

Далия Трускиновская

Аметистовый БЛИН

Блин — это звучит круто!
Аметистовый блин — тем более...

Даля Трускиновская Аметистовый блин

предоставлено автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164903

Аметистовый блин: Альфа-книга; Москва; 2000

ISBN 5-93556-006-2

Аннотация

Что может объединить столь разных людей, как культурист, артист разговорного жанра, православный священник и ведьма? Пожалуй, только мистика...

Содержание

Глава первая, совершенно реалистическая	4
Глава вторая, приключенческая	30
Глава третья, несуразная	55
Глава четвертая, лихая	79
Глава пятая, историческая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Далия Трускиновская

Аметистовый блин

Глава первая, совершенно реалистическая

Жизнь всегда врывается некстати.

Как правило, это случается, когда человек занят делом, требующим времени, терпения и мирного настроения. И вдруг – звонок, вопли, кошмары, собирайся, беги, лети, ползком, кувырком, ради всего святого, караул, во что бы то ни стало! Ну, стало быть, караул. Откладываешь дела и со вздохом бежишь, летишь, ползешь, потому что отказывать женщине, которая бьется в истерике, несолидно.

Вот и на этот раз...

Стоит уважаемый человек, известный тренер по культуризму, за изголовьем скамейки для жима лежа, двумя пальцами штангу снизу придерживает, а под штангой тужится, не в состоянии выпихнуть, юное создание, решившее перед пляжным сезоном за две недели сделать себе бицепсы как у ван Дамма. Тренер ждет, чтобы клиент совсем из сил выбился, потому что иначе на него не подействуют укоризненные слова:

– А дышать кто будет?

Ибо первейшая заповедь атлета – всякое усилие производить на выдохе.

Но юные и всякие прочие оболтусы запоминают заповеди лишь тогда, когда столкнутся с ними лбом и набьют шишку. Вот мудрый тренер Сережа и провоцирует мучительные моменты тренировок, система у него такая.

Так вот, наступает самое то мгновение, чтобы задать роковой вопрос и получить ответ в виде выпихнутой кое-как, вкривь и вкось, но вроде бы вверх штанги. И тут высказывает с телефонной трубкой буфетчица Настенька:

– Сергей Григорьич, вас!

Настеньке восемнадцать лет, Сережа для нее – тот идеал, к которому должны стремиться женихи, и всякого очередного жениха она затаскивает в зал, чтобы показать идеал в действии. Рост, вес, мускульная масса, непоколебимо спокойное лицо, античный профиль и выдержка киношного супермена – все это сразу ни один жених не потянет. Так что Настеньке через годок-другой придется снизить планочку.

Поскольку воспитательный момент все равно загублен, Сережа двумя пальцами поднимает и кладет на рога пятидесятикилограммовую штангу (во поколение пошло, пятьдесят кило вытолкнуть не может...), а потом неторопливо берет трубку.

В трубке – вопль души.

– Сережка! Ну где ты пропадаешь?! Ты срочно нужен!

Сейчас я за тобой заеду!

– Привет! – неторопливо отвечает тренер. – Я все узнал. Счетчик Гейгера мне привезут сегодня вечером. А Виктор Иванович уже раскурочил твой фен и обещает к субботе...

– Какой Гейгер? Какой фен?... Одевайся скорее, сейчас я у тебя буду!

– А что случилось-то?

– Кошмар!

С тем и исчезает звонительница – бывшая супруга, между прочим.

Что делать – приходится оставлять зал на стажера, студента Вадика, которому нужно сдать на кафедру какой-то загадочный журнал практики, вот он и прибегает на тренировки как бы для того, чтобы их проводить. Почему-то на кафедре тяжелой атлетики, к которой, после длительного недоумения, два года назад приписали культуризм, считают, что тренировку в зале проводит тренер, и непременно групповым методом. На самом же деле тренер присматривает, чтобы тренажеры не слишком ломали, а как качаться – каждый и сам знает, кроме зеленых новичков. Сережа как-то заглянул в журнал практики, прочитал, что утром сего дня проводилась общая разминка на свежем воздухе, и больше туда носу не совал. Ближайший подходящий свежий воздух – разве что на крыше, потому что зал – в самом центре города, в подвале старого дома, двор которого впритык забит машинами.

Кошмар, стало быть... Ну ладно. Не первый, не последний.

Сережа снял спортивный костюм и со вздохом распялил на руках новые джинсы. Сумасшедшая промышленность выпускала какую-то нелепую одежду – если штаны не жали в бедрах, то приходилось убирать двадцать сантиметров в талии, а если талия соответствовала Сережиной, то на бедра они бы вообще никогда не налезли. Последнее приобретение ушивала соседка. Две недели назад джинсы были еще впору, но Сережа, готовя к чемпионату атлета Вовчика, и сам дал немалую нагрузку на ноги. Лишних полсантиметра объема могли сыграть роковую роль – и чуть было не сыграли.

Еле передвигая ногами в тугих джинсах, Сережа вскинул на плечо сумку, заглянул в буфет – предупредить Настеньку о счетчике Гейгера, и, с трудом одолевая ступеньки, выбрался из подвала.

Стоило ему подойти к краю тротуара, как рядом затормозил «гольфик». Бывшая супруга распахнула дверь.

– Да скорее ты!

Насколько позволили джинсы, Сережа согнулся и плюхнулся на сиденье. Тут же «гольфик» понесся вперед.

– А что, собственно, случилось? – спросил Сережа, уже предчувствуя основательное стихийное бедствие. Если дело-вая женщина чешет через весь город, не снимая белого медицинского халата и белой же шапочки, в которых работает с клиентами, то ее здорово припекло.

– Случилось! – буркнула Майка, орудуя рулем примерно так, как ее пещерная прапрабабка – тяжелой дубиной. И точно так же, как заносит хозяина потерявшей управление дубины, заносило маленький суетливый «гольфик», пока не внесло в новый микрорайон и не ткнуло в зад припаркованному возле девятиэтажки «икарусу». Лишь чудом Майка успела затормозить.

– Не слабо, – сказал Сережа, выбираясь из машины.

За два года семейной жизни он понял, что ежели жена впадает в священное безумие – нужно молчать. Ему как мужчине молчать легче. А для нее как для женщины это мучительно. И когда она не дождется ни одного вопроса, то выскажет все необходимое быстро и в концентрированном виде.

Так вышло и на сей раз.

– Эта сволочь бросила Данку, – заявила Майка. – Я только что узнала. Мне Любка звонила. Данка заперлась дома, никому не звонит, никуда не выходит, телефон отключила!

– Может быть, она уехала? – спросил Сережа, нажимая кнопку лифта. – Нет, Валька и Сашка ходили под окном кричать – так у нее свет горел.

Невзирая на развод, Сережа с Майкой вместе ходили в гости к общим приятелям. Приглашение на Данкину свадьбу они тоже получили одно на двоих, из-за чего Майка уже дважды буянила: ей хотелось нарядить Сережу в костюм-тройку, магазины предлагали костюмы только для тонконогих и пузатых уродов, а надежного портного никто из знакомых не

знал. Так что Сережа был в курсе всех подвигов Майкиных подруг и даже отчасти в курсе ее собственных подвигов.

В лифте оба молчали. Майка явно волновалась. Она столько сил вложила в подготовку этого брака, что ощущала Данкино несчастье как свое собственное.

Сереже очень хотелось рассказать наконец, что распечатку статьи о методе доктора Бадигиной он отдал Виктору Ивановичу, умелец работает в соответствии с ней, но он видел – это получится некстати. А ведь сколько суеты подняла Майка неделю назад, свалившись ему на голову со старым феном, двумя листами компьютерной распечатки, содержащими инструкцию, и наполеоновскими планами преобразования своего салона красоты, носившего скромное и неприязнательное название «Майя»!..

Вышли они из лифта на восьмом этаже и встали перед дверью, глазок которой был задвинут изнутри заглушкой.

– Звони, – сказала Майка.

Сережа нажал на кнопку, но в квартире ничего не тренькнуло.

– Она его сломала! – Майка была мрачна, как полководец, ведущий в бой обреченную армию. – Но она там!

– А может, за хлебом вышла?

– Ты еще можешь шутить? – возмутилась Майка. – А если она над собой что-нибудь сделала?!.

Сережа опять нажал на кнопку, можно сказать, лег на нее, но с тем же успехом.

– Сережка... – Майка заглянула ему в лицо снизу вверх, распахнула глазки, приоткрыла ротик, и Сереже сразу стало ясно, что сейчас от него потребуют подвига.

– И не проси, – отвечал он.

– Но ведь тебе это – запросто! Сереженька!..

– А если у нее там кто-то есть? – резонно возразил Сережа. Выбить-то дверь он мог любым способом, хоть ногой, хоть плечом, но вешать ее обратно ему вовсе не хотелось.

– Да нет у нее никого! Она там одна и...

Тут в квартире раздался звук, очень похожий на выстрел.

– Ой... – сказала Майка. – Сереженька!!!

И приникла к широкой груди бывшего мужа – как приникала к ней всякий раз, осмысляя очередноехождение и нуждаясь во все понимающем собеседнике.

– погоди, – отвечал Сережа, отстраняя ее и примериваясь, как бы половчее выбить дверь. Майка повисла у него на шее с воплем «Не смей!»

Сережа уставился на нее с великим недоумением. Только что она требовала плечом пробить дорогу к страдающей Данке, а теперь вдруг – «Не смей!»

– Может быть, ей еще можно помочь, – сказал он внятно и попытался освободиться от Майки, но тут в квартире выстрелили еще раз.

Глаза у Майки сделались совсем круглые.

– Она что же... про-мах-ну-лась?... Ой!..

Раздался и третий выстрел.

– Странное самоубийство, – заметил Сережа. – А когда мы вломимся, окажется, что у нее и пистолета-то нет.

– А что же ЭТО?

Как бы в порядке иллюстрации в квартире опять выстрелили.

Сережа примерился и треснул кулаком по двери. Треснул грамотно – не столько кулаком, сколько всем предплечьем, чтобы сотрясти дверь с максимальным шумом и минимальным членовредительством.

Ответом ему был пятый выстрел.

– От кого же это она отбивается? – спросил Сережа. – Может быть, она заманила на прощанье в гости свою сволочь и теперь добивает ее?

– Вот это было бы просто замечательно! – заявила кровавая Майка.

Всякий раз, когда Сережа сталкивался с женской солидарностью, он временно терял дар речи. Первый раз это произошло, когда три подружки, и Данка в их числе, исхитрились женить его на Майке. Почему-то им казалось, что непьющий, некурящий, синеглазый и благовоспитанный атлет должен непременно и моментально сделаться хорошим мужем.

Данка дольше прочих свах засиделась в девках, и Сережа пережил несколько совместных кампаний по охомутию жениха. Он волей-неволей присутствовал при составлении планов и диспозиций, которые должны были привести к блистательному результату, да почему-то не привели. Сам-

то Сережа прекрасно видел, в чем дело, но объяснить это трем молодым женщинам, ощущающим себя охотницами и интриганками, не мог. Проблема заключалась в том, что...

Грянул шестой выстрел. За ним – седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Пять минут Сережа с Майкой простояли под дверью, дожидаясь одиннадцатого выстрела, но его все не было.

– Патроны кончились – сказал наконец Сережа и снова бухнул кулаком в дверь.

На сей раз им открыли.

Данка стояла на пороге в домашнем халате и с пистолетом в руке.

– Привет! – бодро сказала она. – Кофе будете?

Спасители очумело на нее уставились.

– Ты это... вот это... п-п-положи, – посоветовал Сережа.

– Я его на предохранитель поставила, – безмятежно сообщила Данка. – Хорошая игрушка! Всю жизнь мечтала о пистолете – и всю жизнь деньги уходили на что-то другое. А теперь вот собралась с духом и купила! Майка, ты что?

Майка держалась за дверной косяк и делала страдальческие глаза.

Данка вовсе не была похожа на брошенную невесту. В ее глазах горел опасный огонь. Казалось, что под халатом на ней – доспехи и сапоги со шпорами. И меньше всего ей сейчас требовались утешения.

Сережа взял из ее руки пистолет и прошел из прихожей в

квартиру. Там он все понял.

Квартира была довольно длинная – если распахнуть все двери, то вполне можно было заниматься стрельбой по мишени. Данка и устроила домашний тир, купив в оружейном магазине вместе с пневматическим пистолетом и ловушку для пуль – железный ящик, в передней стенке которого была дырка с устройством, чтобы крепить бумажную мишень, а задняя имела такую конфигурацию, чтобы пули не рикошетили, а оставались внутри. В целом приобретение сильно напоминало жестяную хлебницу старого образца.

Судя по стопочке простреленных бумажек, в последние дни Данка только этим и занималась.

Онемевшая от неожиданности Майка отклеилась от косяка и, туго соображая, побрела вслед за Данкой на кухню. Занятый пистолетом и мишенями (среди которых обнаружилась и фотография с драной дыркой на месте лица, что свидетельствовало о достигнутой пристрелянности ствола и неплохой кучности стрельбы), он не прислушивался к голосам, пока с кухни не донеслось звонкое:

– Блин-н-н!!!

Первой в комнату вошла Майка.

– Нет, ты слышал? – возмущенно спросила она.

– Могу повторить, – пообещала Данка, появляясь с подносом. – Баба с возу – кобыле легче. Это – раз. Два – я дала слово чести, что выйду замуж за первого встречного, кто делает мне предложение. Пусть это будет хоть алкоголик под-

заборный! И я из него сделаю человека!

Сережа кивнул. Он все недоумевал, почему разрыв обошелся без истерики. И вот она, истерика, сообщила о себе. Теперь все было в полном порядке.

* * *

– А теперь я могу наконец рассказать, что сделал за эту неделю? – спросил Сережа, когда Майка везла его обратно в зал. – Так вот. Счетчик Гейгера у нас, считай, есть. Но не удивляйся, если от него не будет пользы. Там радиоактивность совершенно ничтожная. В картофелине из-под Чернобыля ее куда больше. Виктор Иванович понял, что нужно сделать с феном, и приладит резиновую трубку...

– Резиновую? – возмутилась Майка. – Она же мягкая!

– Из такой жесткой черной резины, с дырочками внизу, чтобы выходил горячий воздух. Остается найти большой кусок сердолика и привинтить к нагревающейся пластинке. Но где ты его возьмешь, я понятия не имею.

– Я еще раз заходила к кришнаитам. Ты тоже, будет время, заглядывай. Они же всякие камни из своей Индии получают. Ожерелье из сердолика – пожалуйста. А кусок с белыми прожилками – фиг!

– Разве это такая редкость?

– Сережка, я всех лоточниц и чемоданщиц привлекла!

– Чемоданщиц?

– Ну, ходят по учреждениям такие тетки с чемоданчиками, а в них – серебро и полудрагоценные камни. Дуры – во! У них изнутри таблицы наклеены, какому знаку зодиака какой камень подходит! Они даже этого наизусть выучить не могут! Камни путают! Они даже не знают, что раухтопаз и дымчатый кварц – это одно и то же!

– Ну и я не знаю.

– Тебе это ни к чему.

Но если Майка говорила, что какой-то предмет Сереже ни к чему, можно было держать пари – предмет доставит ему немало хлопот.

Когда она затевала свой салон красоты «Майя», то сразу постановила, что мужчинам всех тонкостей этого бизнеса не понять. Но именно Сереже пришлось искать ей массажисток, потом подбирать литературу по правильному питанию (пятнадцать лет активного культуризма из кого угодно делают врача-диетолога), потом и вовсе переводить какие-то инструкции к импортной аппаратуре с английского языка.

Пока Майка придерживалась традиционных методов, все было более или менее спокойно. Потом она от не в меру грамотных клиенток нахваталась идей – завела ароматерапию (воздействие пузырьков с запахами проверяла на Сережиных ноздрях), цветотерапию (и кто же подбирал по каталогам нужные оттенки зеленого и желтого, когда у Майки в глазах зарябило?) и наконец докатилась до литотерапии. Но не в ее исконном виде, когда больного потчуют истертыми в

порошок рубинами и изумрудами, а – до сердоликотерапии, которая – что-то особенное.

Если бы Сереже попалась та ведьма, что рассказала Майке про метод доктора Бадигиной и принесла распечатку, живой бы он ее не выпустил. Метод был прост до невозможности – в старом фене закрепляется большой кусок сердолика, непременно с белыми прожилками, потому что в них-то и сидит радиоактивность, кусок этот нагревается и теплый воздух, овеивая его, несет радиацию к больному месту – почкам, печени, чирьям, ушибам, огнестрельным ранениям, да мало ли к чему. Майка, человек в целом здравомыслящий, рассудила, что насчет серьезных хвороб – дело темное, но что, если кусок сердолика, заправленный в старый фен, способен лечить прыщи? И развила бурную деятельность – то есть, сразу же по старой дружбе перевесила проблему на Сережу.

И именно ему пришлось читать всякую ахинею о камнях-талисманах, чтобы стать экспертом при покупке сердолика нужной величины и полосатости.

Потом какая-то клиентка, тоже начитавшаяся популярных изданий, сказала Майке, что все эти камни у чемоданщиц какие-то подозрительные – неизвестно, в каком реакторе их изготовили. Сережа попытался объяснить, что дешевле добывать нужный камушек на вершине Джомолунгмы и в мешках сносить его вниз, чем синтезировать в реакторе. Все-таки по образованию он был технарь. Но Майка, выслушав, затребовала счетчик Гейгера, про который помнила еще со

школьных уроков гражданской обороны.

Спорить с женой – и само по себе большая морока. А спорить с бывшей женой, которая чуть что – напоминает про узы дружбы, которые должны после кратковременного брака непременно связать двух цивилизованных людей, – морока еще почище.

Поэтому Сережа беспрекословно раздобыл проклятый счетчик, хотя твердо знал – такого деликатного излучения, как от крошечного сердолика, шутовина, рассчитанная на взрыв атомного реактора, уловить не в состоянии. И он пообещал завтра же доставить этот бесполезный предмет Майке, и пожелал ей удачи в поисках камня с белыми прожилками, и был высажен на той улице, где просил, хотя и в двух кварталах от тренажерного зала, и даже успел туда как раз вовремя, чтобы предотвратить стихийное бедствие.

Атлеты в очередной раз так решительно отвернули кран в душевой, что его заколодило. Вода хлестала с удивительной силой и скоростью, просачиваясь в щели между перегородками, и в женской раздевалке уже отправилась в плаванье обувь. А виновники торжества, понятное дело, смотались.

Но Сережа предпочитал ликвидировать потоп в подвале, чем объяснять Майке про радиацию.

Целую неделю его никто не тормозил – если не считать одного-единственного звонка. Майке потребовались весы, на которые можно отвесить тридцать пять граммов. Когда-то Сережин папа увлекался фотографией и сам составлял реак-

тивы, так что весы могли найтись в фанерном чемоданчике на чердаке, а могли и не найтись. Сережа пообещал посмотреть – но в тот вечер, когда он, вернувшись домой из зала, уже натянул старые тренировочные штаны, доисторическую дырявую фуфайку, а на голову – вязаный колпак в полоску, чтобы пыли на чердаке не набраться, в дверь позвонили.

После развода Сережа поселился в однокомнатной квартирке с частичными удобствами на втором этаже старого дома в рабочем районе. Очевидно, раньше там жила бабка, промышлявшая подпольной водочной торговлей, потому что сперва по ночам отбоя от посетителей не было. Спустив с лестницы шестерых или семерых, Сережа обратил внимание, что вроде бы один экземпляр появился уже дважды. Люди не верили, что бабка померла или уехала – не могут такие люди помирать и уезжать, не имеют права! – и Сережа пошел на крайние меры.

Перед очередным посетителем дверь отворилась как бы сама. Мужичок, негромко выматерившись, шагнул вовнутрь – и ему навстречу выплыло белое привидение, трепеща воздетыми крыльями и тихо подвывая:

– Гу-у-у!... Гу-гу-гу-у-у!...

Мужичок попятился, тоненько взвизгнул и исчез. На лестнице раздался грохот.

– Счастливого плаванья, – пожелал Сережа, но простыню с дырками снимать не стал, и правильно сделал. Еще дважды пришлось гугукать, да на следующую ночь – столько же. За-

то алкоголики поняли, что бабка померла, и перестали помогать бутылки.

Так вот, когда в дверь позвонили, Сережа прежде всего подумал о простыне.

Звонок был коротенький, деликатный. Через две минуты он повторился.

Сережа пошел открывать.

На пороге стояло не-разбери-поймешь что. Мужская куртка с атлетического плеча, джинсы – и почему-то дамская кепочка, вроде той, что носила в прошлом году Майка. Козырек был надвинут по самую переносицу, а сзади кепочка странно топорщилась, как бы еле держась на голове. И в довершение картины – дамский рюкзак на плече...

Это чудо, постояв несколько с опущенной головой, вздохнуло и жалобно произнесло:

– Прошу политического убежища!

– Ну, заходи, – позволил Сережа.

Странный гость шмыгнул в квартиру и стащил с головы кепочку.

– У меня не было другого выхода...

– Причешись, – сказал Сережа.

Волосы Данка стригла не то чтоб коротко, но так, чтобы вокруг лица торчал целый ореол. Были они густые, с характером, и в придачу крашенные. Из темно-русых она их сделала рыжими, такого цвета, какой в природе не встречается. Естественно, именно они прежде всего нуждались в маски-

ровке. Данке удалось кое-как затолкать волосы в кепочку, но, вырвавшись на свободу, они устроили нечто вроде безмолвного скандала.

– Я влипла, – кое-как укротив свой рыжий скандал, заявила Данка. – Мне нужно всего одну ночь перекантоваться, потому что на все поезда я опоздала.

– А куда ты собралась? – поняв, что чердак отменяется, спросил Сережа.

Данка перечислила штук десять городов в радиусе тысячи километров от своего родного. И сразу же полезла в рюкзак.

– Сереж, я не с пустыми руками! Я честно принесла тебе ужин. Салат с креветками, фруктовый салат и сырное печенье! Все как ты уважаешь!

Первым же делом она выложила на кухонный стол свой пневматический пистолет.

– Приятного аппетита, – прокомментировал Сережа. – А ловушка?

– Ловушка идет по следу, – хмуро отвечала Данка, добывая из недр рюкзака прозрачные коробочки с салатами и сырным печеньем. – У меня еще колбаса есть. Только она какая-то того... подозрительная...

Сереже показалось, что он все понял.

Он не знал подробностей Данкиного внезапного разрыва с женихом, предполагал только, что виновата невеста, то есть, как бы без вины виновата. С Данкиным характером следовало бы штурмовать далекий космос или гонять индейцев

на Диком Западе. И если она временно, под воздействием подруг и магическим влиянием даты рождения в паспорте, помягчала, то надолго ее хватить бы не могло – месяца разве что на полтора. Накопившийся азарт должен был выплеснуться наружу бурно и костедробительно. И очень может быть, что жениху пришло в голову бросить Данку уже в приемном покое травматологического отделения больницы...

Станным показалось, правда, что он так быстро оттуда выписался. А еще того страннее – что Данка, вооружившись, не нападает, а скрывается.

Четыре года мирного сосуществования с женской логикой (два – в состоянии брака, да еще два – в состоянии платонической дружбы) приучили Сережу мирно принимать любые эксцессы. И еще он усвоил, что главное – не задавать вопросов в первые четверть часа. Майка обычно двадцати минут молчания не выдерживала.

Накрывая на стол, Данка прислушивалась к шагам на лестнице.

– Ты – единственный нормальный мужик в этом городе, – вдруг сообщила она.

– Тронут, – немедленно ответил Сережа.

– Ведь тебе и в голову не пришло, что я прискакала, чтобы уложить тебя в постель!

– Не пришло, – согласился Сережа, косясь на пистолет. Все-таки у нее была удивительная для женщины кучность стрельбы...

– У тебя мозги не повернуты на сексе, – продолжала Данка.

Сережа промолчал. После развода у него, понятное дело, были приключения, но уже месяц он соблюдал целомудрие. Именно о сексе он в последнее время и задумывался...

– И тебе не мерещится, будто все женщины должны бежать за тобой следом, раздеваясь на ходу и повизгивая от восторга!

– Все – это сколько? – спросил Сережа.

– Ну, все! Вообще – все!

Кто-то, видать, основательно рассердил Данку своими мужскими притязаниями. Она со злости не ела салат, а пожирала.

– Ты – ангел! – вдруг прочавкала она. И снова с головой нырнула в салат.

Сережа уже выучился переводить с женского языка на мужской. Когда называют ангелом, прелестью, солнышком и прочими дореволюционными нежностями, – то просто-напросто благодарят за ту услугу, о которой через минуту попросят, чтобы ты, Боже упаси, не вздумал сходу отказать.

В дверь звякнули.

Данка вскочила из-за стола – и в руках ее оказался пистолет.

– Убью! – решительно воскликнула она, не прожевав салата.

Сережа неторопливо встал.

– Не открывай! – потребовала Данка.

– А если это ко мне?

– К тебе? – видимо, эта мысль Данку удивила. Действительно, странно, что кто-то решил заглянуть в гости к хозяйну берлоги в то время, как тут скрывается разъяренная женщина...

Сережа открыл дверь – и понял, что Данка в какой-то мере была права.

На пороге стояли два здоровых амбала.

– Тут, что ли, привидение завелось, блин?

– Ага, – сказал Сережа, поигрывая великолепно вылепленными грудными мышцами, прекрасно видными в дырки доисторической фуфайки. – Это я. Дальше что?

– Блин! – изумленно воскликнул вдруг второй амбал. За Сережиной спиной он увидел нечто, поразившее его наповал.

Первый проследил его взгляд.

– Блин! – воскликнул и он.

– Во, блин!

– Ну, блин!

– Ребятки, время позднее, блинная закрыта, – с тем Сережа всей накачанной массой двинулся на гостей. – На переучет. Привет.

Гости, пятясь, вымелись, Сережа закрыл дверь и лишь тогда обернулся.

Данка стояла в глубоком балетном плиэ, как бы сидя на

незримом стуле, широко разведя колени и двумя руками держа свой огромный пистолет. Под прицелом она держала ту часть дверного проема, где могли бы возникнуть грудь или живот врага. И продолжала дожевывать салат.

А то, что это место загородил сейчас Сережа, в расчет не принималось.

– Положи игрушку, – как можно спокойнее попросил он.

Данка выпрямилась, поставила пистолет на предохранитель и молча вернулась к тарелке со своей порцией салата.

– Я с ума сойду, – вдруг пожаловалась она.

Комментировать Сережа не стал. Воздержался. Хотя свое мнение на сей счет у него было. И однозначное.

Напившись чаю, Данка вроде бы обрела рассудок.

– Черт меня дернул за язык... – проворчала она. Сережа понял, что вот теперь ей уже не терпится рассказать все по порядку.

– Ты говори, говори, – то ли попросил, а то ли посоветовал он.

– А чего тут говорить! Погиб поэт, невольник чести! То есть я...

– Кто – ты? Ты – поэт, или ты – невольник чести? – попытался уточнить Сережа.

– Я – дура! Меня за деньги показывать нужно.

Сережа вздохнул.

– А в чем твоя дуристость заключается?

– Я дала слово чести. И весь город об этом знает!

– Так...

Сережа хотел спросить, когда была та радиопередача, или телепередача, или газетная статья, или все вместе, проинформировавшее город об этом событии, и сослаться на свое круглосуточное торчание в тренажерном зале, вдали от светских новостей. Но по Данкиному лицу понял, что язвить не стоит. Опять же, и пистолет... Пневматический, а бьет на сто восемь метров, если не врет инструкция, блин!..

– Помнишь, как я дала слово? – спросила Данка. – Когда вы с Майкой приехали меня из петли вынимать?

– Было дело, – искренне пытаюсь вспомнить, подтвердил Сережа.

– Я поклялась, что теперь выйду замуж за первого, кто сделает предложение, будь это хоть подзаборный алкоголик, хоть президент партии сексуальных меньшинств, хоть... хоть... ну, не знаю кто!

– Я никому об этом не говорил! – в ужасе воскликнул Сережа. Ужас, впрочем, был какой-то подозрительный...

– При чем тут ты?!!

– Майка?...

– Майка? – Данка призадумалась. – Ну, наверно, и она тоже.

– А кто еще?

– Да я, понимаешь, я! Я сама всем раззвонила! Ну и вот...

– Посватался президент?

– Хуже!

Лицо у Данки сделалось такое, что Сережа осознал: лучше в петлю, чем под венец!

И кто бы это мог быть?

Данка смотрела на него так, будто Сережа не только знал этого человека, но и числил его на первом месте в списке смертельных врагов.

– Ну? – с надеждой спросила Данка. – Еще не понял?

– Понял... – ошарашенно произнес Сережа.

В год своего знакомства с Майкой он застал как-то в Данкиной квартире человека, который вызвал у него резкое внутреннее сопротивление. Потом Майка с восторгом толковала, как Данка выставила это убоище и прокляла отныне и до веку. Затем в разговорах между подружками он фигурировал как образец всего того, чему в жизни порядочной женщины – не место. Да еще под кодовым наименованием – Убоище. Сережа полагал, что этот красавец давно уже пристроен, а о Данке и думать забыл.

Оказалось – фиг вам. После позорного изгнания ему даже не потребовалось, в порядке зализывания ран, жениться на другой. Он был женат давно и выгодно. Жена приняла его, но, видно, где-то во внутреннем блокнотике поставила очередную галочку. Затем примерно совпали два эпохальных события – Данку бросил жених, а Убоище было брошено поумневшей женой. Но Данка-то осталась в своей квартире, вооруженная пневматическим пистолетом. А Убоище очнулось, сидя на чемодане.

Заметавшись в поисках пристанища, оно и узнало про страшную Данкину клятву.

К счастью, тот приятель, что разболтал о клятве Убоищу, позвонил Данке и предупредил, что к ней скоро приедут свататься. Жениха он не назвал, но это и не требовалось. Почувяв, откуда ветер дует, Данка собрала информацию – и поняла, что пора уносить ноги.

У треклятого Убоища хватило бы подлости сделать предложение в присутствии большого количества народу – и Данка оказалась бы повязана по рукам и ногам.

Она ожидала от судьбы чего-нибудь эдакого, она просила судьбу послать ей хоть завалищего мужичонку, чтобы как можно скорее проучить беглого жениха. Но почему вдруг Убоище?...

В справедливом негодовании Данка напрочь забыла, что четыре года назад была влюблена страстно и отчаянно. И ведь видела она тогда в Убоище много такого, за что спокойной жизнью пожертвовать было не жалко. А теперь, полюбуйтесь, сидит на кухне, на чужой, кстати, кухне, и чуть что – за пистолет хватается.

Разумеется, она не рассказала все это Сереже связно, так, чтобы следствия вытекали из причин, а не наоборот. Рассказала, как могла. Но он все-таки понял.

И задумался – а что разумного можно сказать женщине, которая влипла в такую историю?

Долго бы он думал, кабы не вмешался звонок.

Данка цапнула пистолет. Почему-то ей мерещилось, что Убоище непременно идет по ее следам, готовое ворваться и потребовать немедленного исполнения клятвы.

– Это телефон, – успокоил Сережа и снял трубку.

– Сереженька? – когда Майка вкладывала сходу в голосок всю нежность мавританского гарема, это означало, что Сереженьке на ночь глядя придется куда-то ехать, устрашать дураков бицепсами и выносить Майкино тельце из-под огня. Она не была авантюристкой в сексуальном смысле слова, вовсе нет, она только время от времени попадала в какие-то не те компании, откуда не могла выбраться самостоятельно. Да и какой идиот захочет добровольно отпускать прехорошенькую женщину-ребенка, очаровательно наивную и миниатюрную, с глазищами в пол-лица, одну из тех немногих женщин, кому действительно к лицу короткая стрижка и челочка. Правда, в отличие от Данки, Майка свои русые волосы вычернила и сделалась от того очень пикантной.

– Ну, я, – предчувствуя ночные подвиги, сказал Сережа.

– Слушай, ты бы не мог меня отсюда забрать?

– А ты где?

– Сережка, садись в такси, я оплачу, и лети мухой... – Майка уже командирским голосом назвала адрес. И это оказалось далековато.

– Зачем тебя туда занесло?

– За сердоликом! За большим куском сердолика! С белыми прожилками!

И тут кончается реалистическая часть нашей истории и начинается Аллах ведает какая. Благоразумный читатель возразит, пожалуй, что медицинское оборудование из старого фена, резиновой трубки и камня с сомнительной репутацией на реализм что-то не тянет. А нелепая клятва выйти замуж за первого встречного могла прозвучать сгоряча, да кто ж ее всерьез выполнять станет? И бывший муж, вечно спешащий на выручку к бывшей жене, – тоже не из нашей действительности. А привидение, имеющее пятьдесят два сантиметра в бицепсе, – это как понимать?

Извините. Вот такой на сей раз получается реализм.

Кстати, все познается в сравнении. Так вот – по сравнению с тем, что будет дальше, это – презренное бытописание, хуже всякого производственного романа. Ведь пока еще не нарушены ни один закон Ньютона и ни одно начало термодинамики. Но будут, прах побери, будут! И в большом количестве...

Глава вторая, приключенческая

У приключений странные повадки.

Редкое приключение явится в приличное время – скажем, с утра, когда человек выспался, умылся (кое-кто – побрился), позавтракал и готов к бурному дню. Или, например, к обеду, в пик активности организма.

Нет! Оно возникает, когда силы на исходе, ужин – в желудке, постель разобрана и телевизор выключен. Оно призывает под свои знамена людей измотанных, сердитых, бурчащих, недовольных. И ведь одеваются, суют в кошелек побольше денег, кидают в сумки то, что потребуется в дороге (Данка благоразумно затолкала пистолет не к себе в рюкзак, а в Сережину сумку), и тащатся леший знает куда!

После того, как Майку пришлось в течение одного месяца извлекать последовательно из ресторана при телебашне, элитной гостиницы, где обычно селили приезжающих в город на гастроли знаменитых артистов (кто знал, что эти столичные звезды и пьют не как нормальные люди?), и засекреченной в подвале государственного учреждения финской бани, Сережа кротко поинтересовался, будет ли так всегда, или она свой годовой план уже выполнила.

На сей раз адрес был банальный – улица, дом, подъезд, квартира. Услышав этот адрес и вслух повторив его, Сережа недоуменно посмотрел на Данку.

В каждом городе есть улицы, неизвестные таксистам. И это честное неведение, не имеющее ничего общего с попыткой наездить побольше. Особенно много проблем возникло в последние годы, когда тысячи Советских, Пролетарских, Краснознаменных, Комсомольских, Пионерских, Ленинских, Первомайских и Октябрьских улиц вернули себе прежние названия. Но и раньше случались такие закоулки, которые вроде бы и в центре, а знает о них только человек, которого угораздило там поселиться.

Данка в ответ сказала, что поедет вместе с Сережей – ей как женщине, возможно, удастся разговорить таксиста, покопаться в его подсознании и выудить нужное направление. Кроме того, одно дело – когда на выручку Майке придет мужик с бицепсами, от которого, да еще в ночное время, за версту разит мордобоем, а совсем другое – когда явится приличная пара. Можно будет даже сделать так – Данка позвонит в дверь и будет одиноко торчать перед глазком, а Сережа спрячется.

Женская страсть к невинным приключениям не всегда Сережу радовала. Чаше наоборот. Но в Данкином предложении был резон – мало кто, зная за собой грехи и увидев на лестничной площадке атлета с хмурой рожей, добровольно распахнет перед ним дверь.

Буркнув насчет приличной пары нечто, чего Данка не слышала, а то быть бы крутой разборке, Сережа кинул сумку через плечо, пропустил Данку на лестничную клетку и ста-

рательно запер дверь.

Таксист, как и следовало ожидать, инструкциям удивился.

Но Данка (опять же, как и следовало ожидать) взяла власть в свои руки.

Она дала общее направление и велела ехать, пообещав, что ближе к месту опознает пейзаж.

И она действительно время от времени узнавала то вывеску, то магазинную витрину, то долгострой за дощатым забором, замороженный, надо думать, навечно.

Удивительно, однако именно таким способом, способом мелкого и дешевого блефа, переулоч-таки нашелся. Но Данка, увидев его, отказалась выходить из машины.

– Может быть, ты сам сходишь? – спросила она, и Сереже почудилось, что голос снайперши звучал как-то жалобно и растерянно.

– А ты в машине подождешь?

– А я в машине подожду!

– Но ведь неизвестно, насколько я там застряну, – резонно возразил Сережа.

У него была интересная способность – доводить женщин до истерики тем, что он спокойным голосом сообщал им общеизвестные истины. Особенно это удавалось ему в тренажерном зале, когда он объяснял толстушкам, как именно им нужно голодать и выполнять упражнения.

Данка в истерику не впала. У нее, как оказалось позднее, была серьезная причина остаться в машине, но объяснить

это Сереже в трех словах она не могла, да и не хотела при совершенно постороннем шофере. Сереже причина показалась бы надуманной, потому что он мало верил в женскую интуицию и имел свое мнение о женской логике. Так что проще было выйти и дать ему возможность рассчитаться с шофером.

– Второй подъезд, пройти во двор, повернуть направо, пройти вдоль стены, опять направо... – наизусть повторил инструкцию Сережа.

– Не направо, а налево, и не вдоль стены, а вдоль бетонной стенки для мусорников, – вдруг поправила Данка. Голос у нее почему-то был сварливый.

Сережа удивился, не поверил, решительно вошел во второй подъезд, сделал необходимые повороты и уткнулся в брандмауэр.

– Странно, – сказал он.

– А теперь пойдем как полагается, – предложила молча следовавшая за ним Данка. Ни слова упрека она ему не сказала – но в молчании было больше яда, чем в целом монологе, и Сережа оценил это.

По части яда он и сам был горазд.

Данка привела его на нужный этаж и к искомой двери.

– Не нравится мне все это, – сказала она. – Давай-ка я позвоню, а потом заберусь этажом выше и подожду, пока ты там с Майкой застрянешь. Вот если застрянешь – я приду на выручку.

– Можно, – с сомнением, впрочем, согласился Сережа.

Данка протянула руку. Судя по тому, как были сомкнуты пальцы и округлена ладонь, – за пистолетом.

– Обойдешься, – возразил Сережа. – Целее будет.

И хлопнул ладонью по сумке, где лежал пистолет.

Какие-то бурные чувства охватили Данку и устроили бешеное побоище – хорошо хоть, внутри, а не снаружи. Только на лице отразился слабый отблеск внутренней бури, да еще выразился он в недовольном шипе, исходившем из самой глубины возмущенной души.

– Ладно, пойдем вместе, – вдруг решила она. – Хотя чувствует мое сердце...

И нажала на кнопку звонка.

Дверь им отворило странное создание той породы, которую Сережа всегда затруднялся определить в половом смысле. Ни на женщин, ни на мужчин экземпляры этой породы не тянули.

Мужчина – это великолепное творение природы, имеющее развернутые плечи, прямую спину, мощные ноги, широкую грудь, внушающие всем женщинам доверие руки, а если повезло с генетикой – то и гордый профиль, и орлиный взор, и густые русые волосы, и героические брови. Одним словом, вылитый Сережа. Тот, кто долговяз, но при этом сутул, узкогруд, а ручонки имеет на манер куриных лапок, внушает Сереже мистический ужас. Сережа честно не может понять, почему эта живая иллюстрация пошлой шутки «Разденешь

– заплачешь!..» не испытывает потребности в тренажерах и как иллюстрации не стыдно предлагать свою близость женщине...

– Данусенька! – сказала создание, разведя руки совершенно балетным жестом, пропуская Данку в коридор и как бы не замечая, что за ней следует угрюмый атлет европейских кондиций. – А тут у меня Маечка! Ты ведь знаешь Маечку?

Сережа принюхался.

Судя по аромату, это был все-таки мужчина. Редкая женщина допивается до такого перегара...

Недовольно фыркнув, Сережа шарахнулся, причем сделал это подчеркнуто и намеренно. Он искренне хотел, чтобы сутулый алкоголик к нему прицепился. Тогда Сережа с чистой совестью взял бы его за шиворот клетчатой рубахи и вынес продышаться. Но он не учел ширины своих плеч – многими годами тренировок возлелеянной ширины. Они и без того плохо вписывались в темный, узкий и захламленный коридор, а при артистическом движении и вовсе застряли. Высвобождаясь, Сережа обрушил довольно высоко подвешенный детский велосипед.

Когда он нагнулся, чтобы ухватиться за раму поудобнее, висящая через плечо сумка сперва сама собой встала на круглую, образца пятидесятых годов, стиральную машину, а потом, уже оттуда, опрокинулась.

Пневматический пистолет полетел на пол.

Это была не лучшая конструкция пневматического пи-

столета. Фирма-производитель с точностью до миллиметра повторила общеизвестную модель «вальтер», и потому оружие весило немало, а грохоту при падении производило еще больше.

Пистолет, проехав по полу меж расставленных для устойчивости длинных и тощих ног хозяина квартиры, отлетел к Данкиным ногам. Снайперша быстро присела на корточки, а когда выпрямилась – Сережа по лицу понял, что обратно он пистолет получит разве что через Данкин труп.

Хозяин-алкоголик не заметил, кажется, даже падения велосипеда. Он искренне радовался, что после длительного отсутствия о нем вспомнила такая красивая женщина!

За изгибом коридора Данка извернулась и спрятала пистолет под курткой, заткнув его сзади за ремень джинсов, как вообще-то принято носить нунчаки.

Когда она вошла в комнату, то поняла, почему Майка звала на помощь Сережу.

Собственно, Майки видно не было, торчала лишь голова. И торчала где-то на уровне Данкиных колен.

Гостеприимный хозяин усадил владелицу салона красоты в глубокое, да еще и продавленное кресло. А потом принялся заговаривать ей зубы. Для убедительности он снимал с полок художественные альбомы и клал их один за другим Майке на колени, в безумии гостеприимства утратив остатки разума. К ним он добавил большие застекленные коробки. Образовалась пирамида, которую Майка никакими силами не могла

с себя сбросить, ей даже не за что было уцепиться руками, чтобы подняться – ручки кресла давно отлетели, остались одни деревянные штыри, да и до тех было не добраться из-за книг. Только мобильный телефон, как ни странно, оказался в пределах досягаемости, и то потому лишь, что он лежал в Майкиной сумке сверху, невзирая на мрачные Сережины прогнозы по этому поводу, а сумку Майка поставила возле кресла.

– Как тебя сюда занесло? – спросил Сережа, не торопясь извлекать бывшую жену из-под завала и наслаждаясь зрелищем.

– Сердолик! С прожилками! – лаконично и жалобно отвечала бывшая жена. Очевидно, ее тут заговорили до полусмерти.

– Это же Наследник, – негромко сказала Данка. Но как сказала!

Ярость клокотала в трех словах, судьбы мира вздрогнули и замерли – вот как она это сказала!

– Наследник? – Майка не только вылупила глазищи, но и приоткрыла рот. – Во, блин!..

Разговор у подружек получился молниеносный, но явно требовал продолжения.

Сережа обернулся к хозяину квартиры, чтобы каким-нибудь вопросом отвлечь его.

Тому было немало лет, а если судить по прическе – то много. Он облысел, но оставшиеся на висках и на затылке волосы

почему-то не стриг, так что они висели легкими и игривыми локонами до плеч. Мужчина в расцвете лет еще не забывает вовремя стричься, это Сережа усвоил твердо – и стригся самостоятельно перед зеркалом. У него был хороший глазомер – он оттягивал прядь за прядью и укорачивал их на одно и то же количество сантиметров, а затылок время от времени подравнивала Майка. В последнее время – даже без комментариев.

Потряс его также хозяйский нос – мечта хирурга из Института красоты. Из этого носа можно было выкроить два, а то и три обычных, стандартных. Причем Сережа не назвал бы его длинным, длины-то он как раз был приемлемой. Просто та его часть, которую полагалось бы назвать горбинкой, разрослась в неимоверный горбище.

Словом, фигура, носившая прозвище Наследник, оказалась колоритная.

Данка, которая общалась только с колоритными фигурами, сориентировалась сразу. Погасила ярость, нарисовала улыбку, вытащила на свет ласковую женственность.

– А ты бы кофейку сообразил, что ли? А я бы тебе помогла, – предложила она, пока Сережа составлял в голове светский и ни к чему не обязывающий вопрос.

– Кофейку? – недоуменно переспросил носатый алкоголик. – Ты понимаешь...

И замолчал выразительно.

– Понимаю, – сказала Данка. – Пошли на кухню, помою

тебе четыре чашки. А кофе у тебя есть. Это я точно знаю. У тебя штанов не будет, а кофе будет.

Вытаскивая захихикавшего Наследника из комнаты, она обернулась к Сереже с Майкой, скроив такую гримасу, которая без слов приказывала – а ну, живо!

Сережа принялся быстро снимать с бывшей жены альбомы и коробки, складывая их прямо на полу.

– Он обещал, что продаст мне коллекционный сердолик! – оправдывалась Майка. – У него этих камней знаешь сколько? Я всего на минуточку заехала!..

Сережа выдернул Майку из глубокого кресла и увлек в коридор. Одновременно прямо из стены возникла Данка. Сережа и не догадался бы, что старый шкаф так удачно маскирует дверь в кухню.

– Ходу! – приказала Данка, первой бросаясь к дверям. Но, стоило ей взяться за ручку, как раздался звонок. Он был долгий и требовательный – мол, свои, не возись, открывай!

– Блин... – прошептала Данка. – Так и знала...

Она развернулась и, заставив Сережу с Майкой вжаться в стену, кинулась назад.

Звонок повторился.

– Меня тут нет – и уматывайте немедленно! – приказала Данка. – Если этот сучара Наследник разинет пасть – затыкайте чем хотите!

– Есть! – крикнула ей вслед Майка.

Сережа ровно ничего не понимал.

Он не верил в женскую интуицию – а напрасно. Именно интуиция и не подвела Данку. Стоило ей скрыться в комнате, как буквально из шкафа возник хозяин-алкоголик.

– А Дануся? – растерянно спросил он.

– А Дануся убежала! – как бы и не соврав, отвечала Майка. – Она ведь всего на минутку.

– А кофе?...

– А кофе для меня, я же просто загибаюсь без кофе, а попросить было неловко, я же тут впервые, – пихая зачем-то Сережу локтем в бок, голосом девочки, не обремененной мозгами, поведала Майка. – Дануся вышла – и через минуту позвонили. Мы и пошли открывать, потому что были рядом, потому что провожали Данусю, потому что я ей еще кое-что должна была сказать...

Позвонили в третий раз – уж вовсе нахально.

Предельно запутанный Наследник отпер наконец дверь – и вошли четверо.

Трое составляли компанию и имели вид заурядно-богатый и сытый.

Один был мужчиной за пятьдесят, крепкого сложения, лысоватый и очень уж морщинистый. Другой – тридцатилетний, худощавый, остроносый, какой-то несолидный, третий – явно «лицо кавказской национальности», хотя и обтесанное на столичный лад. Пожилой был в этой компании главным – это как бы само собой разумелось.

Но четвертый – о, четвертый! Он был похож на марки-

за при дворе Людовика Пятнадцатого. Породисто-изысканное лицо, также весьма носатое, но тут хоть весь объем ушел в длину, и серебрящиеся волосы, и тонкая фигура, причем плечи не вызвали у Сережи ни отвращения, ни даже возражений, такие это были широкие и прямые плечи, и крупные красивые руки – все это были те качества, которые заставляют благоразумных женщин делать изумительные глупости. Возраст красавца был неопределенный, хотя не более сорока лет.

А вид свидетельствовал о нежной любви к собственной персоне. Начиная от стрижки, выполненной классным мастером, кончая изумительно подобранными по тону широким развевающимся плащом, великолепным шарфом и даже башмаками. Была в красавце некая элегантная расхристанность, чего Сережа как бы и не признавал достойным мужчины, но чему иногда, как бы это поточнее сказать... Не примитивно завидовал, нет! А чуточку, крошечку, капельку, в порядке самоиронии, глядя на это недостойное атлета дело свысока, за... Ну, завидовал...

– Я уж думал, ты заснул, – не здороваясь, сказал придворный Людовика Пятнадцатого и поставил на пол большую дорожную сумку. – Принимай гостей! Вот тебе те самые покупатели на ту самую коллекцию! Берут оба ящика, блин, если договоритесь! А вы ведь договоритесь, носом чую!

Сережа на него покосился. Когда внезапно ставшее модным словечко «блин» употребляла его бывшая жена, его это

не коробило. Но Маркизу оно вовсе не шло – и тут Сережа проявил-таки свой хороший вкус и чувство стиля.

Однако главной задачей для него было – извлечь Майку из этого вертепа. Поэтому он, ни с кем не здороваясь и не прощаясь, шагнул в раскрытую дверь и за руку вытащил из прихожей Майку. А потом эту дверь сам же и захлопнул.

Они остались на лестнице.

– Спасибо, – сказала Майка. – Ты настоящий мужчина. Но это – кошмар! Я думала – скончаюсь!

– Под коробками? – уточнил Сережа.

– Нет же! Когда Убоище вошло!

– Убоище?

– Ну да! Это же и было оно – Убоище!

– Какое Убоище?

– Ну, Убоище! Оно у нас одно и есть – Убоище!

Когда Сережа познакомился с Майкой, у нее были три незамужние подружки, в том числе и Данка. У всякой из них имелась богатая личная жизнь, и из каких-то непостижимых для мужской логики соображений любовникам давались прозвища. Сережа четко помнил, что был мужичок «Мое сокровище», был «Этот хренозвон», был просто «Пузатый», так что Сережа мог месяцами кивать на улице знакомой роже, так и не зная ее подлинного имени.

Выходит, один из четверых был пресловутым Убоищем. И, очевидно, именно живописный и длинноносый Маркиз. Заурядно-сытых, одинаково стриженных и костюмирован-

ных, подружки не уважали. Они требовали от жизни что-нибудь этакое. Майка и Сережей-то увлеклась, очевидно, потому что вторых таких бицепсов в городе наверняка не было, и не родился еще пиджак, в который они бы влезли.

И, выходит, именно этого красавца, бабью погибель, выперли из дому, именно он сидел сейчас на чемодане, перебирая в памяти всех подруг, к кому можно бы хоть временно приткнуться, именно он узнал, что Данка оказалась свободна и готова со зла выйти замуж за первого встречного! И от него-то она, перепугавшись до полусмерти, пряталась, готовая чуть что – палить из пневматического пистолета.

Что там между ними вышло несколько лет назад – Сережа мог только предполагать. Судя по тому, с какой яростью Майка называла Маркиза Убоищем, – разборка вышла крутая.

– Данка как чуяла! – продолжала Майка, спускаясь по лестнице. – Убоище же водило ее к Наследнику! Она мне про него рассказывала, только я забыла, а то бы через нее его нашла, а не через Сашку. Не надо было тебе Данку с собой брать.

– Так получилось, – отвечал Сережа. – Откуда я знал?

– А разве мы тебе не рассказывали?

Вспомнить все, что рассказывали подружки про свою личную жизнь, Сережа был, естественно, не в состоянии. Очевидно, его широкие плечи внушали непреодолимое доверие – в те времена всякий раз, набив очередную шишку, одна из

четверки забирала его посреди ночи на кухню и долго каялась в былых грехах и в теперешней глупости, просила настоящего мужского совета, получала его, клялась начать новую и нормальную жизнь, – а через два дня выяснялось, что все сделано с точностью до наоборот.

Сережа не стал оправдываться в склерозе, а просто помогал головой. Тогда заговорила Майка.

Оказалось же вот что.

Ей дали телефон безумного и склонного к запоям ювелира. Она позвонила, осведомилась о большом куске сердолика с белыми прожилками, услышала, что этого добра – навалом, получила приглашение приехать в гости. Сережу она не позвала с собой по уважительной причине – визит был назначен на дневное время и ограничен четвертью часа. При чем это условие выставил хозяин сердоликов – он ждал покупателей, которые должны были приехать издалека.

Майка, разумеется, опоздала, но и покупатели – тоже.

А проклятый Наследник в ожидании сидел себе перед телевизором и прикладывался к бутылке коньяка. Когда человек начинает прикладываться в пять часов дня, то к половине седьмого его самого уже не мешает приложить к горизонтальной поверхности и накрыть одеялом. Однако Майка произвела впечатление – иначе она не могла. И Наследник принялся ее обхаживать.

– Сережка, ты не представляешь – это не человек, а энциклопедия! – с искренним восторгом рассказывала Майка. –

Его заслушаться можно! Он про каждый камень столько знает! Он такие легенды наизусть шпарил! Обалдеть!

– Так ты купила у него свой сердолик с прожилками?

– Сережка!.. – Майка, судя по приоткрывшемуся рту, наконец-то опомнилась.

Атлет покачал головой, но в глазах у него горел некий злобный огонек.

Сережа не думал, что родился человек, способный заговорить зубы Майке до такой степени. И проспиртованный Наследник в эту секунду даже вызвал некоторое уважение пуленепробиваемого атлета. Правда, лишь в эту мелькнувшую и улетевшую секунду.

– Возвращаемся? – мужественно спросил он.

Майка задумалась.

– Там прячется Данка, – неуверенно сказала она. – Как бы мы ей нечаянно игру не испортили. Вот Убоище чертово!

– Оно часто бывает у этого алкоголика?

– Одна тусовка! Они учились вместе. Только не спрашивай, где и чему. По-моему, они там только пить выучились, – строго заявила Майка. – Если бы я знала – я бы к этому алкоголику не сунулась! Я бы к нему кого-нибудь за сердоликом послала.

Сережа отметил, что, вслед за ним, она стала звать безумца «этим алкоголиком», и порадовался, как радовался всякий раз, когда женщина хоть недолгое время шла у него на поводу. Он надеялся, что таким образом приближает жен-

щин к нормальному логическому и мужскому мышлению.

– Но я слишком поздно поняла, что они знакомы. Как мне Данка сказала, что это Наследник, – я чуть в том кресле навеки не осталась! Это я во всем виновата... Как теперь Данка оттуда выберется?...

– погоди. Убоище привело к Наследнику покупателей, так?

– Так.

Сережа задумался.

– Ну, они могут там и очень долго просидеть.

– Ага. А потом этот алкоголик с Убоищем на радостях напьются окончательно!

– Давай подождем, – предложил Сережа. – Если этот алкоголик спьяну не договорится с покупателями, то они выйдут довольно скоро. И они с Убоищем сразу же начнут пить, так?...

– Откуда я знаю...

– Подождем. Когда покупатели выйдут, я выжду немного и явлюсь туда с деньгами. Кстати, дай мне деньги. Я выкуплю твой сердолик – и ты навсегда забудешь этот адрес!

Майка закивала с таким видом, что плохо знающий женщин человек, пожалуй, и поверил бы.

– Сколько он стоит?

– Не знаю! Мы говорили о чем угодно, только не о цене!

– Молодец, – сказал Сережа. – А ты выбрала то, что тебе нужно?

– Ты понимаешь, я не успела...

– Молодец.

Если учесть, что Майка просидела в гостях примерно с семи до половины двенадцатого, прежде чем догадалась позвать на помощь, то Сережина ирония была более чем уместна.

– Говоришь, с белыми прожилками. А какого он цвета вообще? – решив сегодня покончить с этим безнадежным делом раз и навсегда, спросил Сережа.

– Ну, я же тебе сто раз говорила!

Они долго смотрели друг на друга примерно с одинаковым выражением лица, насколько это вообще возможно для круглого пикантного женского личика и удлиненного, с крайне героическими чертами, мужского лица. И оба пытались молча выразить свое недоумение: Майка не понимала, как Сережа умудрился не запомнить такую важную деталь камня, а Сережа не понимал, зачем ему вообще следовало обращать на нее внимание.

Эта немая сцена произошла уже во дворе, том самом, где, руководствуясь Майкиными указаниями, чуть не заблудился Сережа.

Говорят, еще Сара Бернар советовала: без лишней надобности паузы не делай, но уж если делаешь – держи сколько можешь. Или не она – какое это имеет значение? Сережа с Майкой продержали паузу столько, что каждый в глубине сознания успел отвлечься от причины и задуматься о чем-то

совершенно постороннем.

– Ты не помнишь, я на завтра записалась к стоматологу? – вдруг спросила Майка.

Сережа довольно быстро выстроил путь ее рассуждений. Она прикинула, что покупка сердолика может завершиться часа этак в два ночи, спать она ляжет уже около трех, проснется как раз впритык, чтобы не опоздать в свой салон, а если и опоздает, то всего на какой-нибудь час, но весь утренний график от этого поползет...

– Не помню, – честно ответил Сережа. О стоматологе он услышал впервые.

Тут они услышали шаги на той самой лестнице, с которой спустились.

– Покупатели! – радостно воскликнула Майка. – Вот здорово! Наверно, ему срочно были нужны деньги, раз они так быстро обернулись!

– погоди, дай людям выйти, – удержал ее Сережа. – Лестница узкая, а они там еще какие-то коробки нести собирались. Да и сами они не хилые...

Три покупателя, обремененные большими сумками, вышли во двор.

Сумки были клетчатые, пластиковые, с какими бабы-челночухи ездят за дешевым барахлом в Турцию. Коробок в них могло влезть немало.

Сережа отметил, что, когда они вошли в квартиру Наследника, никаких сумок при них не имелось.

– Тихо ты... – сказал один покупатель, шедший спереди, другому, который, видно, только что вякнул сзади. Это был старший из тройки, осанистый и морщинистый.

– Андреич, а если оклемаются?

– Не оклемаются.

С тем все трое торопливо скрылись в глубине большого проходного двора.

Сережа и Майка замерли в полном ошарашивании. До них не сразу дошло, что люди, которые вышли с сумками, – обыкновенные воры.

В квартире ювелира-алкоголика было что взять. С незапамятных времен висели там неплохие картины, а его коллекции камней были находкой для знатока. Даже Майка, которая знала до этого визита, что есть бриллианты, рубины и изумруды, а все прочее не в моде, была поражена сокровищами и окружавшими их легендами. Очевидно, имелось и столовое серебро, и еще какой-нибудь антиквариат.

Прошло некоторое время – секунд шесть, а то и семь, – пока бывшие супруги догадались переглянуться.

– Кто не оклемается?... – страшным шепотом спросила Майка.

Тут у Сережи в голове сработало. Он оставил Майку и побежал к двери, ведущей на лестницу. Майка понеслась за ним.

Когда она взбежала вверх по лестнице, он уже перестал жать на кнопку звонка и прикидывал, как бы развернуться,

чтобы ударить в дверь ногой или плечом.

– Не открывают? – в ужасе спросила она. – Ой! Там же – Данка!

Сережа отошел насколько мог, в два шага придал телу наивозможнейшее ускорение, за пять сантиметров от двери успел повернуться и вцепился в нее плечом. Ничего не вышло.

Не отвечая на трагические выкрики Майки, он повторил попытку – и вместе с дверью влетел в коридор, причем дверь наткнулась на старый и бездействующий холодильник, а Сережа пронесся мимо него и затормозил о вешалку.

Вешалка рухнула.

Майка увидела Сережу, стоящего по колено в доисторических пальто и шубах. Судя по мужественной неподвижности лица, он плохо понимал, что за дрянь на него свалилась.

– Газ!.. – воскликнула Майка.

– Газ... – ошалело подтвердил Сережа.

Они одновременно кинулись на кухню и увидели весьма правдоподобную картину – вскипевший в большой джезве кофе залил горелку.

Выключив газ и открыв окно, они поспешили в комнату – и увидели там печальную картину.

И Наследник, и Маркиз-Убоище – оба лежали на полу, на вид – пьяные беспредельно, однако что-то было в этом опьянении странным и для Сережи, и для Майки, буквально четверть часа назад видевших этих людей хоть и нетрезвыми,

но вполне бодрыми.

Майка, которая, собравшись открывать салон красоты, прошла какие-то курсы с медицинским уклоном, опустилась на колени, наклонилась над ними поочередно, потрясла, подергала, даже оттянула каждому веко – и в растерянности принялась искать глазами Сережу.

Его в комнате не было.

– Сереженька! – в ужасе заголосила она.

– Да не вопи ты... – сказал, появляясь из соседней комнаты, Сережа. – Этот алкоголик ничего не говорил – может, в квартире другой выход есть?

– А зачем тебе другой выход?

– Данка пропала. Конечно, у него тут такой бардак, что и слон пропадет...

– Данка? – Майка, забыв, что перед ней – двое помиравших, вскочила на ноги. – Дан-ка! Дан-ка-а-а!!!

– Говорят тебе, не вопи... Не в сумке же они ее вынесли...

Сережа был крайне озадачен.

– Сумки же здоровущие!

– Данка весит по меньшей мере шестьдесят шесть кило. Ручки оборвутся. И ты представь, каково тащить в одной руке – двадцать, а в другой – шестьдесят шесть. Мы бы заметили такой перекося. Она где-то здесь.

– Они ее убили... Она защищалась – и они ее убили!..

– Данка хорошо стреляет. Хоть одного она бы да уложила.

– Из пневматики?

– Даже из пневматики.

– Блин... – прошептала Майка. – Давай вызовем милицию. И скорую помощь. Я боюсь – они какие-то не такие... Дан-ка-а-а!..

И на этот вопль никто не отозвался.

– погоди, я сам посмотрю, – и Сережа направился в самую дальнюю комнату, где скрылась в панике Данка.

Это была не спальня – это была берлога.

Сережа исправно заглянул во все углы, не поленился – встал на четвереньки и потыкал снятой со стены художественной корягой под кровать. Данки не было. Был почему-то легкий запах озона...

Тогда Сережа встал и оглядел берлогу более внимательно.

Стен не было видно под коврами и пустыми полками. Пустыми полками?... Сережа изучил их – судя по длинным полоскам пыли, на них стояли какие-то узкие штуковины. И исчезли. Значит, вору, по недоумию приведенные Убоищем, и сюда забрались.

Но не унесли же они в своих сумках и Данку!

Данка, конечно, тоже сокровище, но не до такой степени, чтобы ее в сумке таскать...

Что-то произошло в этой захламленной квартире – но что? Что могло оставить запах озона? Не пневматический же пистолет, заряжаемый баллончиком со сжатым воздухом. Или углекислым газом?

Данку могли выбросить в окошко – но окошко спальни,

обследованное Сережей, если и открывалось, то много лет назад.

Сережа пошел по квартире целенаправленно. Он искал двери.

Судя по географии, алкоголик жил в аппендиксе большой дореволюционной квартиры, поделенной на две, если не на три обычных, советских. Жильцы таких квартир, как правило, заставляют ненужные двери шкафами – и Сережа, напроць забыв, что сюда еще должна прибыть милиция, старательно отодвинул все три имевших место в комнатах и в длинном коридоре шкафа.

И он нашел три двери – и с опозданием понял, что человек, ушедший в одну из них, никак не может задвинуть за собой еще и шкаф...

– Что мы имеем? – спросил он себя. – Мы имеем четвертый этаж, герметически запаянные окна, одну нормально функционирующую дверь наружу и отсутствие женщины, главные приметы которой – скверный характер и пневматический пистолет. Эта женщина не хотела выходить из спальни, пока вон тот субъект, именуемый Убоище, находится хоть в алкогольном, но сознании. Значит, она там сидела, пока воры не усыпили хозяина с Маркизом-Убоищем неизвестным, но эффективным способом. Затем воры, сгребая сокровища Наследника в сумки, сунулись в спальню – и что получилось? Они без лишнего шума, без единого выстрела, покинули ограбленную квартиру в полном спокойствии, в

полном составе и с добычей. Оставив запах озона...

И он произнес слово, которого всегда тщательно избегал:
– Блин...

Вот и кончился реализм, будь он неладен! Согласитесь, атлет в дырявой простыне – явление хоть и не будничное, но и не запредельное. И женщина, которая своему слову хозяйка, хоть и редко, но встречается. А вот бесследное исчезновение человека из замкнутого пространства уже пахнет фантастикой. Да что фантастикой – мистикой!

Фантастика – это когда инопланетяне, тарелочки, зеленые человечки. И нужно быть вовсе дремучим человеком, чтобы в месте приземления тарелочки не замерить радиационный фон. Есть изменения – значит, что-то произошло. Нет – перед нами классический пример свидетельской шизофрении.

Сережа вовремя вспомнил, что неразумная Майка все-таки таскала с собой счетчик Гейгера на предмет радиоактивности сердолика. Ему было неловко за себя – атлеты не должны верить во всякую чепуху. Но он вышел из спальни, взял у Майки счетчик и обошел с ним помещение.

Какая-то слабая реакция была в углу спальни, возле распахнутой и пустой застекленной витрины. То ли была, то ли почудилась. Счетчику, который провел молодость в кабинете гражданской обороны, тоже чересчур доверять нельзя.

Так вот, скажу по секрету – это началась мистика.

Глава третья, несуразная

Сережа был убежденным реалистом.

Майка же увлекалась всякими бреднями. Как-то, обнаруженная в кафе с молодым человеком, моложе ее лет на восемь по крайней мере, она совершенно серьезно сказала Сереже, что это ее кармический муж. Они, видите ли, через пять минут стремительного знакомства разговорились о карме, сверили кое-какие события своей жизни, поделились судьбоносными снами – и все про себя поняли! Сережа, который тогда еще был законным мужем, так посмотрел на мужа кармического, что тот исчез навеки.

А что касается переселения душ, домовых, всяких выкрутас с зеркалом – тут Майка была непревзойденной специалисткой. Однажды из-за ее проделок Сережа похудел на пять кило. Майка решила заняться своей фигурой, пока не поздно, – и для этой цели обзавелась маятником. Это был какой-то особый маятник, латунный, в виде диска с прорезью, куда следовало вставлять продукты питания. Во время завтрака и ужина Майка потчевала устройство творогом, колбасой, сыром и по колебаниям гадала – отложится пища на боках или же будет переварена без проблем. Худеть-то собралась она – а от штучек с маятником аппетит пропадал у Сережи...

Но иногда Сережин реализм приносил пользу.

В частности – Сережа не захотел сообщать милиции, что в квартире Наследника была и бесследно исчезла вооруженная женщина. Все остальное – на здоровье! Он и Майку убедил этого не делать. Без Данки картина складывалась вполне реалистическая. Сережа приехал забрать Майку, на выходе они столкнулись с ворами, которых привело Убоище, а потом, уже на улице, Майка вспомнила, что забыла в квартире... ну, скажем, очки. Или мобильник.

А если с Данкой – то началось бы совершенно бестолковое разбирательство. И, объясняя ее поведение, Сережа с Майкой окончательно бы все запутали. Тем более – поди объясни мистику милиционеру...

Когда они покинули отделение милиции и соображали, стоит ли ложиться спать, или проще пересидеть два часа и разбежаться по рабочим местам, Сережа высказал гипотезу: а что, если Данка, выскочив из квартиры вслед за грабителями, поднялась зачем-то на пару этажей выше? А потом, пока Сережа с Майкой суетились и ползали со счетчиком Гейгера, просто-напросто сбежала? От нее ведь всего можно ожидать – и, если это так, она сумеет объяснить свой странный поступок более или менее вразумительно. Тем более, что в квартире был тот, кого Сережа для себя уже навеки окрестил Маркизом-Убоищем, что несомненно повлияло на Данкины деяния.

Майка обрадовалась – и сразу же принялась звонить Данке.

Трубку никто не брал.

Примерно к середине дня стало ясно, что Данка пропала основательно. Она не появилась ни на работе, где ее ждали с плохо сдерживаемой яростью, ни у двух подружек, ни у человека, с которым десять лет назад была в таких близких отношениях, что до сих пор два-три раза в неделю пила с ним свой слепополуденный кофе.

Майка запаниковала – а Сережа предложил позвонить Наследнику. Возможно, после промывания желудка он уже приехал домой.

Майка принялась искать в сумке неизвестно чью визитную карточку, на обороте которой этот телефон записала.

Еще когда визитные карточки только вошли в моду, Сережа, предвидя будущие сложности, купил Майке книжечку с прозрачными кармашками на полсотни визиток. И она исправно таскала с собой пустую книжечку, а килограммы визиток валялись на дне сумки просто так.

В конце концов она разложила перед собой штук пятнадцать. На обороте каждой были телефонные номера, записанные Майкиной рукой. А который принадлежал Наследнику – она уже не понимала.

Сережа сообразил, на какие цифры начинаются номера в том районе, и вычислил нужную карточку.

Действительно – Наследник оказался жив и промыт. Возможно, даже трезв. Он сообщил по телефону название того снотворного, которое грабители подсыпали в стаканы ему

и Маркизу-Убоищу, но повторить это длинное слово Майка не сумела. Да и не получался у нее что-то путный разговор. Чертов алкоголик, еще не подсчитав убытков, утверждал, что обещанный ей кусок сердолика пропал вместе с прочими сокровищами, Майка говорила, что звонит совсем по другому поводу, а он, чтоб его приподняло да шлепнуло, опять принимался оплакивать камни, рамы от картин и китайскую вазу с драконами.

Трубку взял Сережа.

– Мы приедем через полчаса, – строго сказал он.

Когда они приехали, были впущены и еще раз услышали, на какую астрономическую сумму Наследника обчистили, да как милиция собирается вести следствие, да какая скотина этот Маркиз-Убоище (имени приятеля Наследник так и не назвал, да оно и не потребовалось – когда звучало «эта сволочь», все и так понимали, о ком речь), Майка спросила про Данку.

– Дануся же ушла!.. – удивился Наследник.

Сережа подивился тому, как прочно алкоголики запоминают внушенное им после третьей бутылки вранье.

– Никуда она не ушла, а спряталась в спальне, – объяснила Майка. – В последний раз мы ее видели, когда она вбегала в спальню. И больше никто ничего о ней не знает! Она не вышла на работу! Она никому не позвонила! И дома тоже пусто!

Майка малость соврала – они с Сережей видели, как Дан-

ка проносится по коридору и исчезает. Как она влетает в спальню – не видел никто, но ведь больше ей спрятаться было негде.

Пришлось объяснить и причину ее паники, включая неправдоподобное обстоятельство – клятву.

– Ну да... – задумчиво произнес Наследник. – Жена выставила-таки эту сволочь и подала на развод. А ведь я помню времена, когда они с Данусей ко мне вместе приезжали и вместе уезжали... Все правильно – если эта сволочь срочно на ком-то не женится – на ком-то с квартирой... Все правильно! Ему же еще алименты платить! Ну да. Он и должен был до этого додуматься.

– Но ей-то это ни к чему! – воскликнула Майка. – Она до такой степени его видеть не желала, что скорее бы в окно выпрыгнула!..

– Блин-н-н... – протянул алкоголик. И, не успели Сережа с Майкой квакнуть, как на столе оказалась не только початая бутылка коньяка, но и три маленьких стакашка к ней. Три неприятельных хрустальных стакашка, прекрасной работы, вот только помыть бы их не мешало...

– Я приехал всего час назад, – объяснил алкоголик, – и сразу же вы позвонили. Я ничего не успел!.. Вот все, что у меня есть!

И сделал жест – но что за жест! Как если бы он собирался взлететь – но крылья надломились. Когда тощие и неимоверно длинные руки проделывают такие жесты, достойные

если не балерины, то гомосексуалиста, порядочному атлету хочется встать и уйти.

Но уходить, не выяснив вообще ничего, Сережа с Майкой не могли.

Сережа посмотрел на Майку, как бы желая ей передать взглядом информацию: человек, которому этой ночью промыли желудок, должен был бы съесть что-нибудь вроде овсяной каши, а не начинать с коньяка.

Майка тоже была озадачена.

Вся бойкость ее характера вмиг куда-то подевалась.

Возможно, среди всех алкоголиков, виденных ею, этот был самый профессиональный.

– Стой! – воскликнула вдруг она. – А если это – та бутылка, куда они подсыпали снотворное?

– Они подсыпали прямо в стаканы, в больнице сказали, – возразил Наследник, но на бутылку уставился с недоверием. Затем он стремительно встал, так покачнувшись, что Сережа выбросил вперед руки – ловить его, и, обретая равновесие, мотнул всем телом самым непотребным образом.

И исчез в спальне.

– Он сам ничего не понимает, – буркнул Сережа. – Сма-тываемся.

Майка прислушалась.

– Он там пьет! – громко прошептала она.

– Булькает? – спросил Сережа.

– Точно – пьет! Он же видит, что мы не хотим. И пьет,

гад, в одиночку!

Тут хозяин ограбленной квартиры появился из спальни с двумя бутылками в руках. Одна была еще запечатанная, но в другой просматривалось около двух третей напитка.

– Главного они, между прочим, не нашли! – вдруг радостно сообщил он.

– Неприкосновенного запаса? – осведомился Сережа, имея в виду коньяк.

– Неприкосновенного запаса! – весело подтвердил Наследник. – Так выпьем же за мудрого дедушку, который таки знал, куда нужно прятать самые ценные вещи!

Сережа и Майка переглянулись.

Возможно, в спальне был настоящий тайник, который Сережа по неопытности просмотрел. Да и где сказано, что атлеты должны грамотно простукивать стены?

Наследник, которого алкоголь вывел из тоски по украденному имуществу, расплескал надежный коньяк по стаканам, а подозрительный, изучив бутылку на свет и тяжело вздохнув, вылил с горшок с помирающим кактусом.

– Пусть вздремнет! Ну – вздрогнем?

Оборудовать тайник в старом доме несложно – это понимали даже тренер по культуризму и владелица салона красоты. Очень может быть, что в спальне имелся не только тайник, но еще и какой-нибудь запасной выход. И потому, в надежде на сведения, Сережа и Майка взялись за стаканы.

Наследник, естественно, вздрогнул первым. Пока он сто-

ял, запрокинув голову, и мысленно сопровождал глоток по стенкам пищевода в желудок, причем скорчил при этом совершенно китайскую рожу, Майка отхлебнула чуточку и поставила посудинку на стол. Ей как женщине это было простительно.

В своей компании Сережа не пил – все давно к этому привыкли и не возмущались. В чужих компаниях – находил выходы из положений. Ближайшим выходом оказалась пустая бутылка из-под сомнительного коньяка, стоящая на полу у его левой ноги. Сережа, как бы не замечая, что творит его левая рука, постарался перелить туда напиток.

– Так, значит, вы не видели, как Данка вышла из спальни? – снова начала безнадежный допрос Майка.

– А разве она вышла из спальни?

Наследник присел на край журнального столика, опасно покачнулся и задумался.

– Позвольте, что же было в спальне? О-о! А в спальне у нас было вот что...

Едва не рухнув, он вскочил и стал шарить по книжной полке.

Сережа тут же решил, что если на свет появится еще одна бутылка, он примет физические меры. Но Наследник достал всего-навсего альбом.

Это был странный альбом – ни одного человеческого лица не было на снимках, а сплошь многократно увеличенные камни, отшлифованные на разные лады.

– Вот, вот они... – Наследник нашел фото, на котором была внутренность шкатулки, поделенной на маленькие квадратные отсеки, и в каждом на темном фоне выделялся камень. По снимку трудно было определить масштаб и установить подлинную величину камней, а количество Сережа определил сразу – двенадцать штук.

– Вот что там было – и пропало! Клянусь дедом – за ними-то и приходили!

– А что это такое? – спросила Майка.

– Вы когда-нибудь слышали про моего деда? – вопросом же ответил Наследник. – Сейчас я вам покажу его!

Портрет деда оказался холстом площадью в квадратный метр, только не квадратным, а вертикально вытянутым. И именно холстом – антикварную раму грабители утащили. Почему они побрезговали дедом до такой степени, что потратили время на вырезание холста, Сережа понял сразу.

Портрет изображал матерого ветерана с таким количеством орденов, что поневоле вспомнился огромный портрет генсека Брежнева, который висел на торцовой стене институтского здания в годы Сережиной учебы. Портрет служил общим развлечением – всякий раз, как генсек сам себе давал очередной орден, неведомый художник удлинял его левое плечо – иначе награда не помещалась. Анатомический монстр в один прекрасный день сгинул, а воспоминание всплыло при взгляде на орденоносного деда. Художнику, уместившему весь иконостас, тоже, видать, пришлось тяжело.

Махровый реализм выдавал и время создания портрета – пятидесятые годы.

– Дедушка... – ласково пробормотал внучек-алкоголик, которому сейчас было примерно столько же лет, сколько тогда – деду. Он держал портрет распяленным перед грудью, так что его длинное скорбное личико в седеющих локонах нависало над ветераном на какой-то ангельский манер, и это в целом создавало сюрреалистический эффект.

– Ну, дедушка, – согласился Сережа. – Воевал?

– До Берлина! Во был дед!

Сережа поглядел на ветерана с уважением. Однако было в обрюзгшей сытой физиономии нечто, уважению препятствовавшее. Должно быть, реалист-художник не поладил с заказчиком... или оказался чересчур реалистом?...

– Солидный дед, – подтвердила Майка.

Наследник молча разлил по стакашкам надежный коньяк.

– За здоровье... то бишь за упокой!

Пришлось выпить.

Сереже стало сразу тепло и хорошо. Это ощущение испугало его – он ведь пришел сюда не марочным коньяком наслаждаться, а по серьезному делу.

– Там, в спальне, тайник – большой? – сходу спросил он.

Наследник, еще сопровождавший какими-то внутренними рецепторами продвижение коньяка по пищеводу и его дальнейшие странствия по желудку, вскинул на атлета удивленные глаза.

– Большой! – уверенно заявил он. – И что изумительно – бабка о нем ни разу не догадалась! Всю спальню обшаривала – не нашла!

– Вот такой? – Сережа распростер руки, описав силуэт высокой женщины. Майка еле увернулась из-под тяжелой, пролетевшей мимо самого носа ладони.

– Поменьше, – сказал, подумав, Наследник.

– А выход оттуда есть? – задал следующий практический вопрос Сережа.

– Разумеется, есть! – Наследник даже обрадовался тому, как приятно течет беседа. – Прекрасный выход, час будешь смотреть – не увидишь!

– А куда ведет выход?

– Куда? Наружу!

Майка смотрела то на бывшего мужа, то на дедушкиного внука. Что-то в допросе показалось ей странным. Но она молчала – не из благородных побуждений, впрочем, и не потому, что идеальная женщина, сконструированная Сережиным воображением, не должна вмешиваться в серьезные мужские разговоры. Нет, разумеется! Просто Майка чуяла, что вот-вот произойдет какая-то смешная ерунда, и давала ситуации возможность созреть. Если бы сейчас тюкнутый коньяком Сережа, мучительно соблюдающий серьезность на физиономии и лаконичность в речах, совершил ошибку! Да ей бы этой ошибки лет на десять хватило!

– Ах, вот как? Наружу? – уточнил Сережа, пытаясь ум-

ственным фломастером на умозрительной бумажке нарисовать загогулистый план квартиры.

Ему случалось в старых домах встречать самые диковинные планировки. Возможно, имелась в виду лестница черного хода. Или же та небольшая дверь на лестничной площадке рядом с большой, принадлежавшей Наследнику.

– Ес-тест-вен-но! – и Наследник резко кивнул, всей подвижной рожицей изобразив счастье взаимопонимания.

– А Данка могла им воспользоваться?

– Дануся? Если бы нашла? – и Наследник вдруг расхохотался во всю пасть. – Ну, я не знаю! Если бы захотела!..

Майка, будучи из троих самой трезвой, вдруг сообразила, что происходит. И ощутила подлинное блаженство – блаженство предвкушения!

– А давайте проверим! – предложила она. – Если я его найду – значит, и Данка могла его найти. Ну?

Сережа посмотрел на бывшую жену с подозрением. Уж больно разумно она вмешалась, несмотря на то, что женщина...

– Проверим! – сразу согласился Наследник.

Майка была впущена в ограбленную спальню.

Она окинула развороченное помещение испытующим взглядом. Бабка, стало быть, тайника не нашла. Если бабка была из тех, кто дошел до Берлина, значит, искала грамотно... Вывод – тайник торчит на видном месте.

Майка пошла по периметру комнаты, сразу отмечая со-

блaзн простукать стены и ободрать ковры.

Спальня у Наследника была впритык набита старой мебелью. Уже она одна составляла целое состояние. В старой мебели всегда есть тайнички... Нет! Нужно искать с другого конца!

Майка представила себе деда в последние годы его бурной жизни. Деда отяжелевшего, возможно, даже неспособного передвигаться без палки. Дед заползает в спальню на минуточку – а когда следом за ним врывается бабка, он уже пьян как фортепьян – именно так тогда описывали превосходную степень опьянения. Значит, тайник – не под кроватью и не за ковром, не в недрах мебели и не в люстре! Блин – так где же?...

Подоконник?...

Трудно было предположить, что бабка не обследовала подоконника. Майка тем не менее отодвинула тяжелую портьеру, снабженную витыми золотистыми шнурами с преогромными кистями.

Тайника, понятное дело, не было, а окно смотрело на обшарпанную стену соседнего дома. Неудивительно, что портьера вечно была задернута – Майка тоже не стала бы терпеть такой пейзаж...

Однако ее заинтересовало устройство этого театрального занавеса.

Встав вплотную к портьере, Майка ухватила кисть и с силой потянула за шнур, глядя при этом вверх – туда, где долж-

ны были перемещаться кольца с прищепками. И прозевала самый ответственный момент.

Ей на голову быстро, но плавно опустилась подвешенная за горлышко бутылка.

Веревка была так хитро пропущена в кольца, что при их сдвигании бутылка ехала вниз. И более того – до последнего времени она там обитала не одна. Рядом опустились три пустые петли.

Очевидно, дед по дороге к Берлину заимел привычку пить из горла...

Изумленная Майка рукой задернула портьеру – и бутылка скрылась вверх бесследно.

Тогда Майка подтащила к окошку стул и изучила устройство более внимательно.

Хитрый дед использовал пространство между двумя штангами, одна из которых держала портьеру, а другая – соборанный мелкими складками ламбрекен из той же ткани.

– Сюда! – крикнула Майка. – Я удавленницу нашла!

Не успела она усомниться в выборе слова – может, правильнее было бы назвать бутылку висельницей? – как в спальню ворвался Сережа.

– Где?! – рявкнул он.

Майка онемела, потрясенная его яростью, и закатила глаза, всем видом показывая – вон там, за ламбрекеном!

Сережа испытал огромное желание стукнуть себя кулаком по лбу. Надо же – обшаривая спальню, он ползал на карач-

ках, как будто тайник не может быть выше уровня человеческого роста. И все клеилось одно к одному – Данка оказала грабителям сопротивление, их было трое, она – одна, ее удавили, труп – вздернули повыше!..

Даже не подумав, зачем бы занятым кражей скотам тратить время на упрятывание трупа, да еще такое диковинное, Сережа оттолкнул Майку и рванул на себя портьеру.

И под влиянием марочного коньяка рванул во всю дурь.

Край толстой деревянной штанги сорвался со своего законного крюка, пролетел мимо Сережиного затылка и повис, покачиваясь. Портьера рухнула на отважного атлета более или менее удачно – накрыла его с головой и натянулась под тяжестью края штанги. Сережа окаменел, не понимая, что стряслось. И стоял, подобно задрапированному простыней памятнику накануне церемонии открытия, пока стенающий Наследник и помирающая со смеху Майка не приподняли штангу и не вывели его на свет Божий.

– А теперь полезай и зацепи ее, – распорядилась Майка. – Только не знаю, хватит ли одного стула. Гляди, какие тут высокие потолки.

Сережа задрал голову.

– Удавленница где? – нехорошим голосом спросил он.

– Да вон же болтается, – безмятежно отвечала Майка. – Ты чего?

– А выход? – еще не врубаясь, Сережа повернулся к Наследнику. – Выход наружу?

– Так это он и есть, – печально сказал Наследник. – Маечка все правильно нашла. Дернешь за шкур – оно и выходит наружу. Отпустишь – убирается вовнутрь.

Коньяк, принятый за упокой дедовой души, мешал Сереже осознать приключившуюся околесицу.

Ему был обещан большой тайник с выходом наружу.

Пространства между двумя штангами, повешенными с каким-то барским размахом, хватило бы, чтобы спрятать там и самого Сережу – боком он бы, пожалуй, протиснулся. Выход – если считать это выходом, был. И Данка могла воспользоваться тайником – в том случае, если ей, затаившейся с пневматическим пистолетом за кроватью, вдруг бы безумно захотелось хлебнуть коньяка... Все сходилось, черт возьми! А больше Наследник ведь ничего и не сказал.

Молча и с сердитым сопением Сережа навесил штангу.

Майка, понимая, что уж про это приключение Сереже лучше вообще никогда не напоминать, увела Наследника из спальни. А когда Сережа присоединился к ним, тот уже держал речи мистические.

– И если они посылали экспедиции в Тибет, если домогались каких-то тайн от далай-ламы, то им наверняка была известна авестийская традиция! – разглагольствовал он. – Все началось с зороастризма! Все началось с Первичного неба, которое расколол Ангро-Майнью! И с того, что изначальная модель проявленного мира строится заново... А потом осколки древнего знания передавали из поколения в поколе-

ние, искажая кто во что горазд! Но это было не только знание! Нет!

Сережа замер в дверном проеме. Его поразило лицо Майки. Так она не смотрела даже на него, красавца-атлета, в тот миг, когда вымогала из него предложение руки и сердца. Нежность струилась потоком и водопадом! Стройная шейка вытянулась! Губки приоткрылись, как бы жаждая поцелуя! И все это творилось ради пьяного Наследника!

– Вот, вот! – Не ображая внимания на шейку и губки, Наследник, покопавшись в толстой книге, ткнул длинным пальцем в середину страницы. – Сейчас прочитаю.

Сережа присел на табурет рядом с Майкой и приготовился слушать – в такой здоровенной книжище наверняка было что-то полезное.

– Капитан повелел подать другой ларец, и, лишь только слуга его принес, сказал: «Вот диковинная забава, история коей такова. Как-то раз, странствуя по морям, я достиг острова Лангкави и попал в безветрие, так что паруса на корабле обвисли, пресная же вода была на исходе. Мы немало опечалились и хотели было послать лодку на остров за водой...»

Майка подтолкнула Сережу и сделала недоумевающую рожицу. Действительно – какое отношение к Данке мог иметь остров Лангкави?

Наследник меж тем вещал самозабвенно, наслаждаясь сказочными подробностями. Возможно, уже забыв начисто, ради чего он взял в руки книгу... Он едва не подпустил в

голос слезы, когда отважного капитана, ослабевшего от жестокой жажды, сморил сон. И воспарил голосом в поднебесье, когда во сне явился некий почтенный старец, призывающий высадиться на острове, невзирая на гнусные погодные условия.

– «... и взойди на вершину горы, венчающей остров! Там ты увидишь ларец из слоновой кости. Возьми тот ларец, в нем сокрыт хрустальный ящичек, в ящичке – шкатулка из бирюзы, в ней же – сапфир, в коем обитают два павлина. Выйдя из сапфира, они станут с несказанным изяществом танцевать, распутив хвосты и распевая пантуны и селоки. Есть в той шкатулке и иной сапфир. Ежели положить его на позлащенное ложе – из него выйдет царица, несравненной прелестью лика подобная четырнадцатидневной луне, сияющей в небесах».

Тут лишь Сережа понял, что Наследник читает начало какой-то восточной сказки, чуть ли не из «1001 ночи».

Время для сказок было самое подходящее!

– Там дальше всякие приключения, – вдруг сам себя прервал Наследник. – Но вот еще! «Тогда Исма Ятим взял меньший сапфир, положил его на золотой поднос, и из сапфира вышли два несказанно прекрасных павлина; другой же сапфир он опустил в хрустальный флакон, и тотчас тот сапфир зазвучал, и полилась из него музыка дивной красоты, в коей сменяли друг друга сто двенадцать ладов...»

Сережа и Майка переглянулись. Вроде бы в белой горячке

мерещатся мыши и чертики, но уж никак не павлины. А что Наследник вполне мог допить до белой горячки – они и не сомневались.

Нежность, озарившая Майконо лицо при упоминании об Авесте и зороастризме, уступала понемногу место скепсису. Она любила сказки – но, так сказать, сказки научные, а не фольклорные!

– Тогда царевна Мехран Лангави так помыслила в сердце своем: «До каких пор мне скрываться в сапфире? Выйду-ка я из него и сыграю шутку с государем и государыней», – Наследник, увлекшись, заговорил от лица юной царевны то-неньким голоском. – Подумав так, она вышла из сапфира, подобная полной луне, и свет, озарявший лицо царевны, заиграл в самоцветах и драгоценных уборах государева терема...

Насколько Сережа понял, Мехран Лангави принялась бродить по какому-то спящему гарему. Но ничего общего между гаремом и Данкой он, как ни тужился, найти не мог.

– Ну, дальше эротические подробности... – Наследник вдруг засмутился. – Вам ясно примитивное повторение изначальной схемы? Сапфир – в бирюзе, бирюза – в хрустале? Вам ясен путь распространения традиции?

– Ясен, ясен! – быстро сказала Майка. – Традиция прекрасная, но, знаете, нас время поджигает!

– Что – время? – спросил Наследник. – Что такое время по сравнению с вечностью? И которое время вы имеете в виду?

Он усталился на Сережу, которому сейчас было вовсе не до философии.

– У нас нет ни времени, ни вечности, – сказал Сережа, вставая с табурета.

– Да подождите же! – взвыл Наследник. – Вы ведь ничего не поняли! Сейчас я прочитаю еще один отрывок! И вам кое-что станет ясно!

Он протянул к полкам руку, причем она вытянулась сантиметров на двадцать поболее, чем ей полагалось по человеческой анатомии, и цапнул еще одну книгу.

Майка тоже встала.

Ни нежности, ни скепсиса уже не было в ее глазах, а только паника.

– Флибустьеры были убеждены в необходимости борьбы с испанцами, так же, как и в том, что отбирать у них серебро и золото – справедливо! – провозгласил Наследник, и в его физиономии прорезалось нечто абордажное. – Руководствуясь такими моральными соображениями, действовал, например, Даниэль Монбар, прозванный Истребителем!

– Истребитель – это уже авиация, – возразил Сережа, пытаясь к выходу.

Наследник заметил этот маневр. Но даже под градусом он понимал, что не с его слабыми силенками и хилыми ручонками удерживать атлета европейских кондиций. Поэтому он забубнил с отчаянием обреченного и скоростью пулемета.

– В годы учения в школе на юге Франции он познако-

мился с работами епископа Лас Касаса, защитника индейцев, а позднее прибыл на Тортугу, чтобы мстить испанским убийцам за смерть многих тысяч аборигенов Америки! С помощью французского губернатора Тортуги он снарядил корабль! Его не прельщали ни сладость добычи, ни свободная жизнь на море! Им руководила только жажда мести! Нападая на испанские корабли и поселения, он не щадил ни одного испанца!

– Вот и замечательно, – не вникая в смысл, а как бы реагируя на шум, отвечал Сережа. – Отступаем, отступаем...

Но Майка оказалась в неудобном положении – Наследник загораживал от нее выход. А гостиная была настолько заставлена, что пройти мимо него мог разве что таракан по стенке.

– Сереженька!.. – взмолилась она.

Сережа протянул могучую руку, поднял за спинку тяжелый стул, вознес его чуть ли не к потолку и держал, пока Майка пробиралась мимо судорожно листающего книгу Наследника.

– ...вспарывали живот, конец кишки прибивали к дереву, а затем начинали тыкать его горящим факелом под зад, заставляя бежать, разматывая внутренности... – донеслось до них. Очевидно, так Истребитель разделялся с испанцами.

Майка зажала рот – и по глазам Сережа понял, что ей сейчас сделается дурно. Он прижал к себе бывшую жену, шаг за шагом продвигаясь к двери в коридор.

– Ну, вот оно! – восторжествовал Наследник. – Три меся-

да спустя флибустьеры обнаружили наконец испанский корабль. Он оказался сильным противником, имея на борту сто тридцать человек команды и тридцать одну пушку. В то время как большие корабли флибустьеров взяли испанца под обстрел, отряд из четырех каноэ подошел к противнику с противоположной стороны и овладел судном.

Сережа и Майка разом выпихнулись в дверь, благо Наследник смотрел не на них, а в книгу.

– Однако вместо ожидаемых золота и серебра на корабле оказались только бумага и железо. Были кое-какие ценности в каюте одного из пассажиров, но Монбар не присоединил их к общей подлежащей разделу добыче, а велел перенести к себе в каюту. Новое разочарование было настолько велико, что удерживать в повиновении флибустьеров он более не...

Тут на Майку вдруг накатил светский тон. Она не могла уйти просто так – ей нужно было удалиться, как принято в приличном обществе.

– Сережа! – громко прервала она флибустьерские страсти. – Нас время поджигает! Мне еще к стоматологу, потом в магазин, потом меня в центре американской косметики ждут, а у тебя же тренировка с этим, ну, с чемпионом!..

Ни одного слова правды в этой речи не было.

– Чемпион ждать не станет! – согласился Сережа, взясь с замком.

– Дослушайте же! – взмолился Наследник, высовываясь в коридор. – И вы все поймете... ик!..

Пока бедолага справлялся с икотой, Майка и Сережа оказались на лестнице.

– С командой немногим более трехсот человек Монбар в Гондурасском заливе тщетно выжидал добычу! – неслось им вслед. – Счастье покинуло его! В довершение бед корабль с полуголодной командой сел на мель! Вспыхнул бунт! Верные Монбару индейцы недолго продержались, защищая флагманский корабль! Флибустьеры ворвались на палубу...

А что натворили они на палубе – так в тот день и осталось тайной для Майки и Сережи. Они быстро сбежали с лестницы и опомнились уже во дворе, возле мусорного контейнера.

– Он точно спятил! – заявила Майка. – Сам он павлин и флибустьер!

Сережа поймал себя на том, что полностью согласен с бывшей женой. За четыре года этакое случалось не часто.

– И ни фига мы не узнали! – продолжала возмущенная Майка. – Почему ты не спросил у него телефон Убоища? Мы бы сразу отсюда поехали к нему! Должен же он знать, каких сволочей притащил к Наследнику!

– Его уже в милиции допрашивали, – безнадежно сказал Сережа. Насколько он мог просчитать ситуацию, милицкий протокол так и останется без движения, зато Маркиз-Убоище долго будет страдать идиосинкразией ко всякого рода допросам.

Вдруг Майка уставилась на Сережу с ужасом.

– Сереженька!.. На кого ты похож?!?

А на кого может быть похож человек, обрушивший на себя штангу с портьерой, паутина и пыль на которой копилась с дедушкиной смерти?

– Не смей! – завопила Майка, вцепившись Сереже в руку. Он как раз собирался сбить с себя пылицу ладонями.

– Еще хуже получится!

– Но не могу же я садиться в машину в таком виде! – возразил Сережа.

Майка вздохнула – до сих пор «гольфик» хоть изнутри был относительно чистым...

Вот стоят они, решая идиотскую проблему – развозить ли грязь по свитеру и джинсам, или по внутренностям «гольфика». И пока еще понятия не имеют, что Наследник-то был прав! Алкоголизм алкоголизмом, а след он нечаянно взял верный. Может, дед ему чего успел растолковать, может, озарение случилось.

И павлины с флибустьерами имеют-таки отношение к исчезновению Данки с пневматическим пистолетом.

Но прежде, чем это понять, они еще немало дров наломают...

Глава четвертая, лихая

Еще несколько дней прошло в поисках Данки.

Майка вышла даже на след Маркиза-Убоища. Сережа не удивился, узнав, что этот алкоголик работает в местной филармонии артистом разговорного жанра. Вид у него был уж слишком, не по-мужски, артистический. Один длинный плащ с шарфом по колено чего стоили...

Они отправились отыскивать Маркиза-Убоище, но его как раз услали на гастроли. И нетрудно было вообразить радость гастролера, который не без оснований предполагал, что допрос в милиции – еще колыбельная Моцарта по сравнению с той разборкой, которую может затеять Наследник.

Оставшись в полном неведении, как вышло, что филармоническая звезда вдруг привела домой к лучшему другу обыкновенных грабителей, Майка вернулась на полчаса к проблемам красоты и здоровья. И обнаружила, что за время ее отсутствия в салон были засланы агенты конкурирующей фирмы. Они переманили молодую массажистку и видели все флаконы на полках в подсобке! Флаконы Майка достала по большому знакомству, в них были совершенно чудодейственные средства, но инструкция к средствам была напечатана на языке иврит. Майка оплатила перевод, вместе с переводчицей сидела над каждой страницей, уточняя оттенки значений, и на тебе! Кто-то перехватил идею!

Устроив Сереже по этому поводу сцену с рыданиями, Майка потребовала немедленно доставить аппарат для сердоликотерапии. И умчалась на «гольфике» в неизвестном направлении.

Сережа отправился за аппаратом.

Народный умелец Виктор Иванович, которому он доверил изготовление из старого фена и резиновой трубки секретного медицинского орудия, раньше работал в том же конструкторском бюро, только не научным сотрудником, а чем-то средним между слесарем и электриком. И считался неплохим мастером по железу. Приходилось ему выполнять сложные задания, так что Сережин заказ умельца насмешил. Что делать – посмеялись вместе...

Сейчас он трудился в компьютерной фирме и занимался исключительно дорогостоящими и капризными принтерами.

Сережа обнаружил умельца не то чтобы между небом и землей, а между первым и вторым этажами на хрупком настиле, куда вела лестница из каких-то ажурных решеточек. Фирма, не желая платить за аренду большой площади, увеличивала имеющуюся как могла, благо высокие потолки старого дома позволяли. Лестницу Виктор Иванович сделал под интеллигентную фигуру – ориентируясь при этом на собственную, а сложения он был худощавого.

Не больно надеясь на тонкий настил, народный умелец все, что мог, привинтил к стенкам и приладил на кронштейны, в том числе и огромный письменный стол, обшарпанный,

как будто его крысы обгрызли.

Сережа посмотрел на лесенку – и решил не испытывать судьбу. Он понял, что если не рухнет – так застрянет. Атлет снизу окликнул Виктора Ивановича – и тот все понял.

– Вот, – сказал Виктор Иванович. – Все как заказывали.

Он достал из верхнего ящика стола большой старый фен с насаженной на сопло черной резиновой трубкой восьми сантиметров в диаметре.

– Гляди, – приказал умелец. – Трубка снимается вот так.

– А где крепится камень?

– Элементарно.

Виктор Иванович сунул в трубку палец, подцепил и вытащил на поверхность что-то вроде миниатюрной клетки для тараканов. Она была изготовлена из двух кружков стальной сетки, расстояние между которыми регулировалось четырьмя болтами на гайках и шайбах, а также имела проволочную петлю для удобства вытаскивания. Присев на корточки, он показал тараканью клетку Сереже.

– И никаких винтиков! – обрадовался Сережа, который хорошо запомнил Майкины нелепые инструкции – сердолик, мол, нужно привинчивать.

– Вот именно, – согласился обрадованный его восторгом Виктор Иванович. – Твой камень заправляется между обеими сетками, а их задвигаешь в трубку вот досюда, у меня там ограничитель.

Он ткнул пальцем в трубку снаружи – и Сережа не мог

не согласиться, что расстоянию в три сантиметра от черного отверстия место ограничителя соответствовало.

– А температура?

– Сделано. Не больше сорока. И вот, гляди, отсюда пойдет отработанный воздух.

– Понял.

Прибор, которому суждено было поднять Майкин салон на вершины славы, имел подозрительный самопальный вид, и Сережа осведомился – нельзя ли на эту технику надеть хоть какой колушок, желательно со шкалами, циферблатами, бездействующими кнопками, загорающимися лампочками и прочим техническим дизайном. Виктор Иванович подумал – и вытащил из стола полупрозрачную панельку от принтера со всякими английскими словами. Приложил – панелька оказалась длиннее ручки фена.

– Есть еще компас, – предложил он.

– Компас?... – Сережа вдруг подумал, что Майка, далекая от географии, этого предмета и не признает. – Валяй! И термометр – обязательно! Знаешь, такой длинный, как для ванны!

– Слушай, – засомневался вдруг умелец. – Это же выйдет вот такая дура!

Он показал руками. Сережа прямо-таки увидел в этих руках здоровенный отбойный молоток для асфальта. Наверно, и сам Виктор Иванович в этот миг его представил – руки умельца задрожали, как если бы он удерживал на весу виб-

рирующее от избытка силищи включенное орудие.

– Вот и прекрасно, – одобрил Сережа. – Чем больше – тем лучше. Знаешь что? Ее еще можно установить на штативе. Дай бумагу!

Он положил стопку листов на хлипкий настил и принялся рисовать, одновременно объясняя.

– Вот тут будет койка... ну, массажная кушетка... на ней – пациент... тут – штатив... тут – штанга...

Виктор Иванович следил за авторучкой, меняясь в лице: то уважение переходило в ужас, то ужас – в уважение.

– И все это – вокруг фитюльки весом в полкило? – наконец осведомился он.

Сережа понял, что увлекся.

– Ну, в общем, ты сам лучше знаешь, – туманно сказал он. То ли эти слова отменяли все фантазии напрочь, то ли Сережа всего лишь рассчитывал, что народный умелец загонит их в разумное русло – этого Виктор Иванович сразу не понял.

Но за пятьдесят лет жизни и двадцать лет работы с научными сотрудниками он уверовал не столько в силу их разума, сколько в силу их склероза.

Виктор Иванович не сомневался в том, что, явившись за окончательным вариантом аппарата, Сережа и не вспомнит добрую половину своих сегодняшних инструкций.

И он оказался прав.

Майка меж тем носилась по городу как наскипидаренный кот. Она вычислила врагов и плела интриги. Первым делом она побывала у всех знакомых журналистов и поменяла рекламу. Теперь она раскрывала ту коммерческую тайну, которую у нее все равно уже украли, и пускала в ход другую. На следующей неделе она открывала в салоне кабинет литотерапии! И раскидала по редакциям пресс-релиз, посвященный методу доктора Бадигиной. Особый упор делался на преследования, которым подверг Бадигину лично товарищ Сталин. Майка знала, за что непременно уцепится пресса. А про радиоактивность белых прожилок нагретого сердолика там упоминалось как бы вскользь, без единой цифирки. Уж больно прост в изготовлении был рекламируемый аппарат...

Попутно она узнала, что коллеги Данки в растерянности не побрезговали и милицией. Они дружно отнесли туда заявление о пропаже – и столь же дружно вынесли его оттуда. Им сказали, что молодую активную женщину разыскивать незачем – наверняка потеряла счет времени в чьей-нибудь постели. Поскольку маньяков в том месяце не обнаружилось, а последний выловленный специализировался на мальчиках, коллеги отбыли восвояси.

Еще Майка навестила несколько салонов красоты, с которыми поддерживала дипломатические отношения, подели-

лась печальной информацией и собрала полезную. Закончилось все это в ночном баре, откуда, вопреки традиции, она выбралась без Сережиной помощи.

Когда Майка оказалась дома, шел третий час ночи. Время для телефонных звонков неподходящее, и все же телефон, не отключенный на ночь, подал голос. Подумав, что это бывший муж так проявляет волнение и заботу, Майка сняла трубку.

– Это я, – сказал знакомый голос.

– Данка?!?

– Ну!

– Ты где? – воскликнула Майка.

– Не знаю!..

Голос был хоть и Данкин, но несколько жалобный.

– Как это – не знаешь?

– Это совершенно незнакомое место.

– Что за место?

– Контора какая-то. Мебель новая, копм, факс, все дела...

И кухня!

– Какая еще кухня?

– Да говорят же тебе – я заперта в каком-то кабинете! – взорвалась Данка. – Я даже в окно выбраться не могу! Посмотрела вниз – так это по меньшей мере десятый этаж!

– Как ты туда попала?

– Понятия не имею! Майка, ты слышишь? Майка, мне страшно... Со мной что-то не то происходит...

– А что ты помнишь?

– Ничего...

– Так не бывает! – убежденно возразила Майка. – Пистолет при тебе?

– Знаешь – да...

– Ну так чего же тогда бояться?

Молчание было ответом.

– Данка! Данка! – завопила Майка. – Что там с тобой?

– Мне безумно страшно, – отвечала Данка. – Я не понимаю, что со мной! Майка, я, кажется, сошла с ума! Мне мерещится какая-то чушь!

– Какая именно?

– Мне кажется, будто за мной следит чудовище... Какое-то огненное чудовище со щупальцами и большой красной пастью... Оно разевает ее для меня... А щупальца – с белыми когтями!

– Так, – сказала Майка. – Это всем мерещится, кто сидит один в помещении. Дальше!

– Да нет же! Это – как удав и кролик! Оно тащит меня к себе! Оно меня в себя засосало...

Майка онемела.

– А потом выплонуло? – вдруг сообразив, что в желудке у чудовища телефона нет и быть не может, обрадовалась она.

– Ну да!

Понемногу выяснились подробности.

Чудовище возникло в спальне Наследника, когда возму-

щенная Данка, прислушиваясь к голосам собутыльников, в том числе и к голосу Маркиза-Убоища, боялась пошевелиться и, чтобы хоть чем-то себя занять, разглядывала соколовища на полках.

Она открыла старинную плоскую деревянную шкатулку с выпуклой крышкой, по которой петлял тонко вырезанный узор. Шкатулка оказалась изнутри поделенной на двенадцать отсеков, и в каждом на черном бархате лежал большой округлый отшлифованный камень. Были они разных цветов, а величиной – не меньше средней клубничины. Данка даже захотела вынуть один – и тут ощутила тревогу. Она не подносила камня поближе к глазам и не наклонялась, чтобы рассмотреть его поближе, она еще не настолько слепа, чтобы камень носом ощупывать, однако он затмил все – и полку, и шкатулку, и прочие камни. Данка вскрикнуть не успела – как рыже-розовое сияние, прорезавшееся в его глубине и стремительно разросшееся, закогло ее белыми шипами, всосало в себя, и с пистолетом вместе.

Что с ней делалось во внутренностях чудовища – она так и поняла. Оно на нее каким-то образом давило, парализовало тело и волю, но оставив в целости интеллект. Физической боли оно, впрочем, не причиняло. А ментальному насилию Данка сопротивлялась как могла – вплоть до чтения наизусть таблицы умножения. Чего чудовище от нее домогалось – было совершенно непонятно. Как оно выглядело – изнутри было не разобрать. Данка находилась как бы под оран-

жево-розовым куполом с белыми прожилками, что само по себе было не страшно и даже по-своему красиво, если бы только имелась возможность добровольно являться сюда и убираться отсюда.

Сколько длилось это ощущение подвешенности между сном и явью, Данка, разумеется, не знала. Она уже устала от таблицы умножения, уже махнула на себя рукой и решила полностью отдаться на волю чудовища, как свод вместе с белыми прожилками закружился, в непостижимой глубине прозвенела колокольчиками божественно прекрасная музыкальная фраза – и Данка очнулась сидящей не более не менее как на электрической кухонной плите.

– На чем? – переспросила ошарашенная Майка.

– На плите! С двумя конфорками!

Данка рухнула туда сверху, но с небольшой высоты, этак в полметра, так что ее голова и плечи оставались в некоем ящике. При этом отлетела в сторону какая-то гремучая посуда. И все это свершилось в полной темноте.

Что любопытно – пистолет из руки она так и не выпустила.

Обиженная некорректным поведением чудовища, Данка ногами вперед стала сползать с плиты и уперлась в стену, причем стену упругую. Она изо всех сил нажала, а ноги у нее были спортивные. Стена распахнулась, и из полной темноты Данка попала в помещение, освещаемое лишь луной за оконным стеклом.

Это было уже кое-что.

Она выскочила из той конуры, где очнулась, и встала в оборонительную стойку. Но никто не нападал с воплями, она расслабилась, вдоль стены дошла до дверей, нащарила выключатель и включила свет.

Тут обнаружилось, что она стоит в кабинете какого-то средней руки босса. А та конура, где она раскидала посуду, на самом деле – кухня-шкаф. Данка видела что-то похожее в заграничных рекламных проспектах. В закрытом виде – встроенный в стену шкаф с дверцами темной полировки, в открытом сконцентрированная до минимума кухонька, причем внизу – электрическая плита и узкий холодильник, верх которого – покрытый мрамором стол, а над ними – навесные посудные шкафы.

– Ты хочешь сказать, что тебя запихнули в навесной шкафчик? – переспросила ошарашенная Майка. – Там же полки!

Она сопоставила рост и фигуру Данки с внутренним пространством, поделенным полками.

– Я не знаю, куда меня запихнули! Но шкаф разломан вдребезги. И выглядит так, будто его дно продавлено изнутри чем-то тяжелым, – объективно описала ситуацию Данка. – Издали выглядит. Я к нему подойти боюсь...

Майка задумалась.

– Десятый этаж, говоришь?

– Похоже на то. И здание – административное, не перестроенная квартира, окна – во!

– В городе не так уж много десятиэтажных административных зданий! – Майка оживилась. – Немедленно включай компьютер! У них там наверняка есть файлы с договорами и всякой документацией, где проставлено название фирмы!

– Включаю...

Какое-то время Данка шарила в компьютерных мозгах, а Майка терпеливо ждала.

– Ну вот! – раздался голос. – Так я и знала! Все на пароле! Взломать – не получается!

Майка выразилась так, что Сереже это бы не понравилось.

– Идея! – ее осенило, – Покопайся на столе! Там наверняка лежит какой-нибудь органайзер! Диктуй все, что найдешь!

И, не отнимая трубки от уха, засуетилась в поисках бумаги и авторучки.

Какое-то время Данка ожесточенно копалась в столе.

– Слушай, я ключ нашла!

– Какой ключ?

– С бирочкой! Шестнадцать – двадцать. Что бы это значило?

– Шестнадцатый этаж – вот что бы это значило! – Майка пришла в восторг от своей сообразительности. – И двадцатая комната! А ты в какой?

– Ты опупела? – обиделась Данка. – Я же изнутри, а табличка с номером снаружи!

– Ну так попробуй открыть дверь!

Судя по молчанию в трубке, Данка сделала попытку.

– Я же знала, что этот ключ от какой-то другой двери, – сообщила она. – Погоди...

И опять исчезла.

– Данка! Данка! – во всю глотку завопила Майка. – Что случилось?!

– Я нашла ее, – примерно через минуту объявила Данка. – Я ее открыла. И знаешь, куда я попала?

– Ну?

– В бардак!

Когда административное, здание, куда мистическим образом угодила Данка, еще только проектировалось, в него собирались вселить крупные министерства и ведомства. Поэтому запланировали довольно много кабинетов, имевших большую приемную – для секретарши и очереди из посетителей. Пока здание достроили, министерства развалились. и его отдали фирмам – хоть и крупным, но не таким многолюдным. Иные президенты и генеральные директора посадили-таки секретарш в необъятные сараи. А иные пустили в ход фантазию.

В частности, хозяин того офиса, где очнулась на электрической плите Данка, замаскировал дверь в кабинет кухонным оборудованием, имевшим снаружи вид внушительного шкафа. Одна из трех дверок этого шкафа давала возможность проникнуть в тайное помещение, оборудованное для личной жизни. Наверно, у хозяина была ревнивая жена. А

может, имелись иные причины.

Ключи от комнат съемщикам выдавались единого образца, с указанием номера комнаты и этажа. И тут хозяин прокололся – если бы он, соблюдая конспирацию, снял с ключа бирочку, вовеки бы Данка не сообразила взять ключ в руки.

– Ну и что мы имеем? – уныло спросила Данка. – Оттуда тоже никак не выйти.

Майка задумалась.

– Черт!.. Есть! Немедленно позвони мне в салон!

– Зачем? Там же никого нет!

– Дура – там есть автоопределитель! Утром я узнаю, откуда ты звонила.

– Я не доживу до утра, – убежденно ответила Данка.

Майка забеспокоилась.

– Что с тобой? Дануська!..

– Мне опять страшно, – прошептала неуязвимая Данка. – Меня что-то тянет...

– Тресни как следует!

– Да нет же... Я должна вернуться туда, к плите...

– Немедленно позвони в салон! Слышишь – немедленно! – Майка вопила так, что, наверно, всех соседей перебудила. – Чтоб найти тебя по телефонному номеру!

– Сейчас... – обреченно пообещала Данка. – Сейчас позвоню. Меня зовет, понимаешь? Меня тянет... Я уже музыку слышу...

– Какую еще музыку? Звони давай!

А вот на этот вопль ответом были уже короткие гудки.

Майка настолько ошалела от странного разговора, что через пять минут принялась названивать в собственный салон, как будто автоматический определитель номеров мог ей внятно что-то сообщить.

Потом она позвонила Сереже. Но он настолько умаялся от беготни, что на ночь отключил телефон.

Майка пошла на кухню, приготовила себе чай и таращилась в ночное окно, пока он не остыл. Тогда она дала себе слово встать в семь утра и мчаться к Сереже.

Всякий раз, как Майка давала себе слово встать пораньше, этому принимались мешать стихийные бедствия. То она не могла заснуть до пяти утра из-за нервов, то всю ночь соседи смотрели шумные видики, то под окном сражались коты. На этот раз она вроде б и заснула без проблем, однако проснулась в девятом часу. Тут уж было не до Сережи – салон ждал ее руководящей руки.

И Майка понеслась в салон.

* * *

Зная город с рождения, нетрудно вычислить местоположение телефона по номеру. Данка успела-таки позвонить в салон. Майка вызвала Сережу, пересказала ночную беседу, особо подчеркивая шестнадцатый этаж, а Сережа немедленно установил единственную в том районе административную

многоэтажку.

И заехала за ним Майка, и погрузила его в «гольфик», и повлекла к многоэтажке, хоть он и упирался. Майкина склонность к мистическим наукам лишала для него эту историю всякого правдоподобия.

Машину они в целях экономии оставили не на стоянке, а в переулке и подошли к искомой многоэтажке. Перед ней был ухоженный газон с дорожками из плит и художественной бронзовой загогулиной в два человеческих роста, а к высоким дверям от улицы вела асфальтированная дорожка. В нее вливалась другая – от платной автостоянки за зданием.

– Вот этот проклятый дом, – Майка задрала голову, чтобы увидеть самый верхний этаж массивного чудища из стекла и бетона.

– Ничего домик, – одобрил Сережа. – С ценным содержанием.

– Ага...

Вход охраняли ребяташки в камуфле, причем рожи носили даже более каменные, чем у Сережиных качков. Собственно, в них даже не было особой нужды – дверь перекрывал штырь диковинной вертушки, который поворачивался, когда ребяташки давали отмашку кому-то, сидевшему в глубине вестибюля.

Понаблюдав, Сережа с Майкой выяснили вот что.

Во-первых, здесь действовала пропускная система, и пропуска были единого образца. Ребяташки в камуфле изуча-

ли их так дотошно, как это бывает в первые две недели после нововведения. Очевидно, администрация здания недавно расхлебывала кражу чего-то дорогостоящего.

Во-вторых, некоторые боссы предъявляли один пропуск – собственный, но проводили с собой гостей.

Сережа с Майкой притворялись, будто ведут деловой разговор, и Майка даже вынула из сумочка органайзер, как бы отыскивая в нем нужную информацию. Вдруг она замолчала – а на пикантном личике отразилась работа мысли.

– Ты чего? – забеспокоился Сережа. Когда у Майки сам собой приоткрывался рот, она собиралась родить безумную идею.

– Пятнадцать – семь – два... – выдержав паузу, прошептала Майка. – Стой... Семнадцать – восемь – два...

– Ты чего это? – не понял Сережа.

– Молчи... Статистика...

Вслед за буддизмом, реинкарнацией, кармической медициной и сердоликотерапией вполне естественно могла последовать статистика. Сережа замолчал. Майка развернула его так, чтобы из-за его широкого плеча наблюдать за входом.

– Так и знала. Семнадцать – девять – два... Двадцать – девять – два...

Майка отслеживала какие-то перемены у входа, но Сережа, хоть убей, не мог сообразить, к чему бы относились такие странные цифры.

– В общем так, – Майка приняла решение, как всегда, с

необъяснимой стремительностью. – В разведку пойду я. А ты поедешь домой и будешь ждать моего звонка.

– Еще чего! – искренне возмутился Сережа. – Ты что, полагаешь, я тебя одну туда пущу?

– Почему же одну? – Майка улыбнулась так противно, что Сереже захотелось взять ее за шиворот и унести куда-нибудь подальше. – Вот сейчас пойду на автостоянку и кого-нибудь сниму...

– Через мой труп.

Всякий раз, когда на Майку накатывало амурное настроение, расхлебывать заваренную бывшей женой кашу приходилось Сереже. По старой, так сказать, дружбе. Как правило, хватало одного его молчаливого появления в броне стальных и объемистых мускулов. Но раза два не обошлось без кулаков.

– Ты ничего не понимаешь, – эту фразу Сережа за четыре года их знакомства слышал примерно два раза в неделю, а за период семейной жизни – и того чаще. Фраза, как и полуоткрытый рот, служила обычно предисловием к очередной безумной идее, понять которую, кроме Майки, могла разве что Данка и еще две-три столь же эмансипированные подруги.

– Естественно, куда уж нам, – благоразумно согласился Сережа.

– Я, это... произвела... нет, вычислила... Господи, ну неужели тебе трудно подсказать, что делают со статистикой?

– Ее набирают, – неуверенно подсказал Сережа.

– И по статистике сейчас в эти ворота вошло двадцать человек с пропусками.

Сережа привычно ужаснулся – уж не представляет ли Майка статистику в виде расстеленной перед входом ковровой дорожки? Ляпсусы с ней случались еще и не такие.

– Из них девять человек провели с собой женщин, и всего двое – мужчин. Понял?

– Допустим.

– Значит, у меня больше шансов попасть туда, чем у тебя.

– Не уверен, – уже сообразив, в чем дело, но из чистого упрямства заявил Сережа. Соглашаться с женщиной в том случае, когда она нечаянно оказалась права, – мучительный процесс для мужчины.

– Понимаешь ли, я могу подойти к первому встречному дядечке и попросить его провести меня, а ты?

Сережа представил обезумевшие глаза дядечки. И далее – как тот сдает Сережу ребятишкам в камуфле. Со всеми вытекающими последствиями.

Увы – есть ситуации, когда бицепсы полуметрового объёма срабатывают хуже прелестной взволнованной мордочки и узких коленок, обтянутых сверкающими колготками...

Сережа и Майка направились к автостоянке, где и пригладели дядечку за пятьдесят, с лысиной и более чем солидной комплекции. Ему-то Майка и кинулась наперерез.

Что она говорила жалобным голоском, заглядывая снизу

вверх в глаза, расслышать было невозможно. Очевидно, пле-ла ту ахинею, которая вызывает в мужчинах жалость к жен-скому скудоумию и потому действует безотказно. Дядечка подставил округленную руку, Майка быстренько взяла его под локоток – и Сереже оставалось лишь проводить взглядом странную парочку, исчезающую в недрах вестибюля.

Поскольку поиск нужного кабинета мог затянуться надол-го, Сережа не стал маячить возле крутого здания, а преспо-койно двинулся в тренажерный зал.

Там он исправно отсидел до девяти часов вечера, убедил-ся, что никто не пытается переночевать с подружкой в при-мыкающей к залу сауне (бывало, бывало, и пару раз – даже с Сережиного благословения...), и отправился домой – ждать звонка от Майки.

В два часа ночи Сережа понял, что звонка уже не будет. Никогда.

И сделалось ему того... муторно...

Уже и судьба Данки, все-таки вооруженной пистолетом, немало его беспокоила. Сережа был искренне убежден, что если женщина и способна совершить разумный поступок, то лишь подпихиваемая сильным мужчиной, да и то станет во-сю упираться. Так что он твердо знал – Данка, где бы она ни оказалась, натворит дел. А ведь ее он считал наиболее тол-ковой из знакомых женщин – то есть, наиболее приблизив-шейся к мужскому образу и стилю мышления.

Майка же казалась ему очаровательным, пушистым, ищу-

щим приключений и абсолютно беспомощным котенком.

Вот этот котенок и пропал...

Конечно, Майка могла честно забыть про свое обещание позвонить Сереже. Если бы она встретила в здании из стекла и бетона каких-то богатеньких знакомых, то понеслась бы с ними в дорогой ресторан, по дороге забивая им головы сердоликотерапией. А про Сережу вспомнила бы только наутро, лежа пластом и тоскуя о стакане минералки.

Сережа понимал, что и такой вариант возможен...

Но сумасбродка Майка отправилась искать фирму, связанную с какими-то антиквариатными ворами и грабителями. А чувство меры у нее отсутствовало. Как и чувство осторожности.

Решив, что сейчас, среди ночи, он все равно ничего не может предпринять, Сережа лег. Сперва сон не шел, потом снилась чушь собачья.

Подняло его ни свет ни заря – в шесть утра.

Похвалив себя за то, что мужественно принял порцию отдыха и теперь готов к активным действиям, Сережа позавтракал и поехал к Майке. Ключ от квартиры у него был. Если гипотетические богатые знакомцы и возили ее в ресторан, то сейчас наверняка доставили домой... хотя...

Прежде чем совать ключ в скважину, Сережа долго и безнадежно давил на кнопку звонка. Он дал возможному Майкиному любовнику время не только вскочить, но даже натянуть штаны и почистить зубы. Потом он вошел.

Ни любовника, ни Майки не было. Очевидно, она дома и не появлялась.

Было около восьми часов утра.

Сережа оставил на всякий случай записку (насыщенную язвительной яростью, разумеется, хотя Майке этого и не оценить) и отправился к зданию, в которое столь опрометчиво отпустил бывшую жену с чужим толстым дядечкой.

Ребятишки в камуфле уже торчали у входа. Сережа подошел к ним.

– Привет, – сказал он, обращаясь к троим сразу. – Это вы тут вчера дежурили?

– Нет, мы с шести заступили, – отвечал черноволосый, с челкой и усиками, у которого в вырезе камуфли жизнерадостно светились полосы десантного тельника, ослепительно-белые и небесно-голубые.

Сережа знал, что ребята примут его за своего. Широкие плечи и бугры бицепсов с трицепсами, которым было тесно в рукавах курточки, служили лучшей верительной грамотой.

– Вот какое дело. Моя дура вчера сюда отправилась – и с концами, – грубовато сообщил Сережа.

– А к кому?

– Да есть там какая-то фирма, на шестнадцатом этаже. У нее там подружка секретаршей. Она кого-то попросила ее провести, – принялся объяснять Сережа простым и доступным языком. – Такого толстого дядечку.

Вдруг он сообразил, что у дядечки-то есть примета!

– Ездит на бэ-эм-вэшке цвета мокрого асфальта. С наворотами.

– Толстый, говоришь? – переспросил охранник. – Тю-у! Так это ж, наверно, Авантюра! Такой большой, толстый?

– Нет, не то чтоб большой... – тут Сережу снова озарило. Охранник был ему по плечо – стало быть, имел свое понятие о больших и маленьких.

– Вот такой, – показал рукой Сережа.

– Так она же все равно не к нему пошла, а к подружке, – здраво заметил другой охранник.

– Будь другом, пусти на полчаса! – попросил Сережа. – Никуда я не денусь, могу паспорт оставить. Найду подружку, спрошу.

– А чего там шариться? Вот сейчас к десяти все эти девчонки пойдут, им же всегда поспать разрешается, засечешь подружку на входе.

Разумно, ох, разумно рассуждали охранники.

Сережа умственно засуетился.

Он мог бы сказать, что не помнит подружки в лицо. Но в таком случае – как он собирается искать эту дуру на шестнадцатом этаже? Выходит, ему следует знать, в какой фирме она секретарствует? А откуда?...

Вдруг Сережа вспомнил – у них с Майкой был телефонный номер, по которому они, собственно, и нашли это мерзкое здание!

– Попробую-ка я позвонить наверх, – сказал он охранникам. – Может, она ко мне спустится.

И пошел к автоматам.

– Ал-ле-о-оу! – пропела дама. Может, и секретарша, кто, кроме них, поет в трубку такими противоестественными голосами?

– Добрый день, – сухо сказал Сережа. – Мне дала ваш телефон Дана.

Вранье претило доблестному атлету.

– Что за Дана? У нас такой нет, – ответил высокомерный голос.

– Она у вас не работает, – брякнул Сережа.

– Так с какой же стати она раздает наши телефоны?

Сережа не сразу нашелся, что ответить. И в отчаянии решил пойти ва-банк.

– Она была у вас позавчера вечером. Возможно, даже ночью, – сказал он. – Я ищу ее по срочному делу. И еще ее ищет... ее сестра.

Имелась в виду Майка.

– При чем тут мы? – удивилась дама в трубке.

– Ваша фирма – последнее место, где ее могли видеть, – на манер опытного детектива объяснил Сережа. – Вчера ее сестра пошла к вам, чтобы хоть что-то узнать. И до сих пор не вернулась.

– А-а... – протянул голос в трубке. – Подождите, я спрошу...

Сережа ждал не меньше двух минут.

– Такая маленькая, черненькая, с короткой стрижкой? – вдруг прорезался голос секретарши, или кто она там.

– Ну да! – обрадовался Сережа.

– А во что она была одета?

Сережа мучительно задумался.

– В костюм, – вызвав в памяти силуэт, неуверенно сказал он.

– В костюм... – повторил голос. – А вы откуда звоните?

– Из автомата у входа, – безмятежно признался Сережа.

– Подождите еще минутку у телефона, – велела дама. – Я попробую узнать.

Сережа отнял трубку от уха и приготовился ждать. При этом он повернулся к входу – решив почему-то, что эта дама спустится за ним, чтобы взять его на шестнадцатый этаж, он вздумал увидеть ее первым, как будто от ее фигуры и прически хоть что-то зависело.

Вместо дамы из вестибюля вышли четверо молодых людей стандартного образца и направились напрямик к Сереже. Двигались они подозрительно – отсекая ему пути к отступлению. И тут же у телефонной будки затормозила иномарка, распахнулась задняя дверца, но никто оттуда не вышел.

Хорошо, что Сережа регулярно смотрел боевики. Хотя новорожденная мысль и не укладывалась в голове, однако уж больно догадка смахивала на правду.

Незримая дама выслала группу захвата.

Даже с Сережиными кулаками против четверых выходить не стоило.

Он оценил обстановку – при помощи машины поле боя отгородили от асфальтовой дорожки, по которой взад и вперед проносились торопливые бизнесмены. Если бы его тут повязали – ни одна живая душа этого бы даже не заметила.

Заорать во всю глотку?

Последствия непредсказуемы. Черт их знает, что у них в карманах за сюрпризы. Ишь, морды какие решительные...

Сережа одним прыжком оказался у машины, бросился боком на капот, поджал ноги и перекатился на другую сторону.

На капоте осталась вмятина. Если бы Сережа имел время и желание обернуться – ущерб, нанесенный врагу, его бы порадовал.

– Держи вора! – завопили вслед.

И Сережа помчался во всю прыть, как если бы он и впрямь был автомобильным вором, снося по дороге встречных и поперечных не хуже скоростного танка. Важнее всего было выскочить на асфальтированную дорожку – вряд ли по нему будут стрелять, слишком велик риск перебить кучу посторонних. И не простых посторонних – все эти люди трудятся в Высоком Бизнесе, у каждого – своя крыша, а столкновение крыш из-за такого идиотизма, как стрельба среди белого дня по неизвестной мишени, надо полагать, никому не нужно.

Судя по топоту за спиной, все четверо молодых людей

стандартного образца понесли следом.

Бегуном Сережа был неважным, да и откуда взяться хорошей дыхалке у человека, который ворочает железо? Поэтому он устремился к большому магазину готовой одежды, потому что вряд ли убийцы (или похитители?) рискнут затеять побоище в таком почтенном заведении.

Влетел он в магазин уже в последнюю секунду – рука самого шустрого из четверки скользнула по его плечу.

И оказался Сережа в преогромном зале, чуть ли не в целый гектар. Хозяева магазина превратили его в лабиринт, изобретательно расставив длинные вешалки с юбками, блузками, кардиганами, пиджаками, платьями и много чем еще. Вешалки были по меньшей мере восьмиметровой длины и на колесиках, что позволяло менять интерьер чуть ли не ежедневно. Но был в этом и свой минус. Стоило посильнее толкнуть вешалку – как она ехала, не разбирая дороги и все снося на своем пути, поскольку вес имела неплохой и инерцию – соответственно.

Пронизав толпу, состоявшую исключительно из женщин, Сережа впилился в край вешалки. Очевидно, его вес был куда больше – вешалка набрала скорость и затеяла описать круг, центр которого совпадал с ее серединой, – диаметром стало быть, в восемь метров. А это и для бесконечного зала было немало. Задетая ею соседняя вешалка тоже тронулась с места – и под отчаянный визг все оборудование магазина пришло в движение! Кого-то затерло между мягкими, но

способными придушить до смерти, плотно спрессованными разноцветными шубами, кто-то рухнул и схлопотал по неизвестным частям тела металлической опорой взбесившейся вешалки. Переполох начался изумительный.

Сережа, пытаясь затормозить и изменить направление, влетел в занавес из металлических пластин. Инерция потащила его юзом и боком, пластины, гибко соединенные, завернулись вокруг него сверкающим рулоном. И сразу общий гомон торгового зала был перекрыт уникальным по звучности визгом.

Этот великолепный занавес отделял от торгового зала одну из примерочных кабинок. Именно в ней две молодые женщины примеряли открытые вечерние платья из черного бархата, причем одна покупательница оказалась на виду у публики в трусиках и без бюстгалтера.

Сережа, к сожалению, всего этого великолепия не увидел. Он рванулся, поскользнулся на какой-то дряни, всем немалым весом навалился изнутри своего рулона на занавес – и сорвал его к чертовой бабушке! Правда, и сам рухнул с ним вместе.

Блистательный рулон, сметая все на своем пути все, что уцелело от вешалок, и постепенно распутываясь, покатился по залу. Сережа вскочил на ноги – и оказался лицом к лицу с погоней.

Преследователи, не надеясь обнаружить жертву в шевелящемся лабиринте и, соответственно, не рассчитав, подлете-

ли чересчур близко. Первый рухнул, пораженный в челюсть прямым ударом правой, а второго Сережа достал левым хуком.

Удар же у него был такой, что не просто сотрясение – а даже ушиб мозга первому пострадавшему, рухнувшему на пол, были обеспечены. Второй же влетел задом в вешалку и медленно поехал в неизвестность. Из плотно висящих цветастых нарядов торчали лишь ноги в дорогих кроссовках.

– Тот, кто ударит и убежит, остается жив, чтобы драться завтра! – сказал сам себе Сережа. И, поскольку толпа перед ним в ужасе расступилась, выскочил из магазина, оставив двух уцелевших мерзавцев разбираться с администрацией.

Он в последнюю секунду влетел в троллейбус и сунул в компостер талончик.

– Извините... – услышал он за спиной старушечий нежный голосок. – Вы лицо поцарапали...

Никто, кроме очаровательной маленькой старушки, не осмелился обратиться к крутому, взъерошенному и мрачному качку, явно порешившему сейчас троих, а то и четверых врагов.

Сережа потрогал пальцем щеку – палец оказался в крови. Металлические пластины занавеса оказались с острыми кромками.

Он облизал палец, резким движением стер кровь, потом, глядя в стекло как в зеркало, дождался момента, когда трол-

лейбус поехал вдоль темной стены и стало видно отражение.

Порез был заклеен талончиком.

И, надо полагать, не раз и не два рассказывали билетные контролеры родным и близким страшную историю о качке, который предъявил им окровавленный пробитый талон, ткнув пальцем в собственную щеку... С перепугу поверили на слово, отдирать и смотреть дырки – себе дороже выйдет.

В самых тяжких, какие только можно вообразить, размышлениях ехал Сережа в тренажерный зал. Мало того, что пропала способная постоять за себя Данка – так и Майка туда же...

К той минуте, когда он с большим опозданием прибыл к месту прохождения службы, Сережа оклемался настолько, что даже осмелился мыслить логически.

В этом деле мистика настолько переплелась с уголовщиной, что даже возник вопрос: а присутствует ли мистика вообще? Ведь про ахинею, которую Данка несла по телефону, Сережа знал с Майкиных слов. Майка же теряла чувство меры и реальности, едва вдали замельтешит что-то потустороннее. Да и сама она исчезла не столь мистически, сколь реалистически. Ляпнула на шестнадцатом этаже какую-то чушь – и все поняли, что она идет по следу похищенного антиквариата. А недостатка в исполнителях преступных акций эта фирма не испытывала. Избавиться от такой свидетельницы, как Майка, могло бы и малое дитя. И, в отличие от Данки, ее-то вполне могли запихать в спортивную сумку большого

размера.

Весь день Сережа корил и казнил себя за то, что отпустил бывшую жену черт знает куда и черт знает зачем. Толку от него в зале было аккурат на медный грош. На вопросы качающейся публики он отвечал невразумительно, сломанный тренажер даже не пытался починить, и в довершение бед, представив хрупкое, жалкое, связанное толстыми канатами тельце Майки, брошенное ради замечания следов на рельсы, шваркнул оземь маленькую штангу, даже не поглядев под ноги. А там лежала откатившаяся от стены большая штанга с крупными блинами. Гриф попал на гриф и погнулся. Сбежались качки – и долго дивились мягкости нынешних грифов. А Сережа молча хмурился, понимая, что проклятую железяку уже не выпрямить.

В горестном расположении духа побрел он домой.

К чести Сережиной, следует сказать, что ему и в голову не пришло обратиться в милицию. Результат мог быть только один – доблестная милиция на подносе преподнесла бы странного заявителя фирме с шестнадцатого этажа.

Однако следовало принимать меры. Хоть какие-то!

Сережа знал контингент своего зала неплохо, но не настолько, чтобы выделить самых крутых. Да и держался он с качками не так, чтобы вдруг полезть к ним с подозрительными вопросами.

Он уже был готов завтра сочинить себе день рождения, выставить по бутылке на рыло и даже выпить сто грамм само-

му, лишь бы в непринужденной обстановке хоть что-то выяснить про мистически-преступную фирму. С таковым настроением и лег спать.

Примерно в третьем часу ночи зазвонил телефон.

– Кого черт несет? – мрачно полюбопытствовал заспанный Сережа.

– Это я! – бодро отвечала Майка. – Ты насчет меня не беспокойся, со мной все в порядке. Я в безопасности! Ты даже не представляешь себе, как здесь замечательно!

– Где – замечательно?!?

– Это, ну... здесь!

– Где ты находишься? – грозно спросил Сережа. – Сиди там и не двигайся! Сейчас я поймаю такси и приеду за тобой!

В трубке раздался беззаботный смех.

– Над небом голубым есть город золотой с прозрачными воротами и ясною звездой!.. – пропела Майка. – А в городе том сад, все травы да цветы...

– Допилась, – констатировал Сережа. – Сейчас я тебя отсюда заберу. Тебя все обыскались!

– Гуляют тут животные невиданной красоты... – Майка допела строку и рассмеялась так блаженно, как не смеялась даже после самых блистательных минут близости с бывшим мужем. – Не надо меня забирать, зайчика! Мне тут очень хорошо. И я не одна... Я заняла свое место, понимаешь? Было свободное место, оно ждало меня, мне открыли дверь – и вот я здесь. Камень – это дверь, понимаешь?

– Ничего я не понимаю, – отрубил Сережа. – Как тебя найти?

– Я звоню тебе, чтобы ты меня больше не искал! – твердо отвечала Майка. – Правда – не надо! Ты просто еще не знаешь, как это замечательно – занять наконец свое место среди равных. И как прекрасно – узнать наконец свое истинное имя! Сереженька, я много в жизни веселилась, но только теперь я поняла, что такое веселье духа... Прощай!

Долго Сережа слушал короткие гудки, пока в голову не пришла спасительная реалистическая мысль – Майку накачали наркотиками. Отродясь у нее не было ни слуха, ни голоса, и она даже после второй бутылки шампанского избегала вокальных экзерсисов. А теперь вдруг запела в трубку!

Вот сидит атлет, краса и гордость тренажерных залов, в глубоком раздумье. Пропала женщина – маленькая, хорошенькая, сумасбродная, иногда деловая до невозможности, иногда раскованная до безобразия, но и в том и в другом случае очень похожая на пушистого котенка, который шкодит с уморительно серьезной рожицей.

И что же теперь делать? Звонить в милицию?

А насчет камня, который – дверь, Майка, между прочим, сказала чистую правду. Она и вообще-то не врунишка, женщина редко врет из любви к искусству, как правило – от страха или от ею самой не осознаваемой комбинации страхов. Майка же никогда и ничего не боялась, а неугомонно и радостно двигалась вперед, уверенная, что уж такому-то обая-

тельному котенку все дорогу уступят. Другой вопрос – что за спиной у нее довольно долго маячила широкоплечая фигура ростом под метр девяносто. С таким тылом чего ж не попоказничать?

Так что же делать атлету, куда податься? Сидеть сложа руки он не может – это для мужчины неприлично.

Глава пятая, историческая

Легче верблюду пройти в игольное ушко, нежели атлету уверовать в мистику.

Сережа решительно не понимал, что происходит. Но если за Данку он волновался умеренно – все-таки вооружена и кучность у нее приличная, – то из-за Майки он чуть не спятил.

Ситуация осложнялась тем, что Сережа был наемной рабочей силой.

Он приходил в тренажерный зал к девяти утра не потому, что этого требовал культуризм, а потому, что за это деньги платили. Небольшие, правда, но все-таки...

Тем не менее денек вышел суматошный. После странного Майкиного звонка Сережа принялся трезвонить ей домой и в салон. В салоне ничего не понимали, а дома трубку, понятное дело, никто не брал. Тогда он, рассвирепев, оделся, выскочил на улицу и из автомата позвонил в подозрительную фирму на шестнадцатом этаже. У него хватило ума сообразить, что АОН зафиксирует номер тренажерного зала – и жди тогда визита мстителей за побоище в магазине.

Фирма молчала.

Сережа вернулся домой, сел на диван в позе роденовского мыслителя и стал вспоминать, куда можно в поисках Майки позвонить в такое время суток безнаказанно. И заснул оде-

тый.

Проснулся он, что называется, впритык. Умчался из дому, не позавтракав, что было равносильно стихийному бедствию. Открыл зал, принял первых безумцев, которые прыжком из постели ложатся под штангу, и побежал к зданию из стекла и бетона. Поблизости в переулке остался «гольфик» – и Сережа не хотел, чтобы кто-то польстился на бесхозную машину.

Майка в компании не отказывалась от шампанского – и поэтому у Сережи всегда были запасные ключи от машины.

Он пригнал «гольфик» к залу, нашел ему пустое местечко во дворе и забрался в тренерскую. Плевать и начхать ему было на то, что безмозглый фанатик спорта Вася явился и выворачивает с корнем закрепленный аршинными болтами блочный тренажер. Сережа сел на телефон.

Когда он познакомился с Майкой, у нее, кроме Данки, были еще две подружки. Но они исхитрились выйти замуж более удачно, почему и пропали с Сережиного горизонта. В поисках Данки Майка их уже тормозила. Теперь принялся названивать Сережа в поисках Майки.

Позвонил он также в салон красоты «Майя». Салон в трепете ждал хозяйку – без нее ничего не делалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.